Международная литературно-публицистическая газета. №11 (16), ноябрь 2010 г. Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты. www.gazeta-pi.ru

Уговый стиль, новые имена_

Георг Чёрный

Доктор химии, около 15 лет проживающий в Соединённом Королевстве, автор многочисленных публикаций и более 900 стихотворений. Первооткрыватель, теоретик и популяризатор психоделики-пи - нового литературного направления, построенного на интуитивном использовании элементов прикладной психолингвистики в сочетании с широким арсеналом чисто литературных приёмов, с целью усиления направленности текста на читателя. Победитель и финалист многих сетевых конкурсов, основатель международного лито Творческая Мастерская ЕЖИ и Литературного Сообщества Психоделика.

Genesis

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. (Иоан. 1, 1)

В Начале было Слово. Слыша речь, Он затихал – и мир рождался в муках, – в молчащем поле, в небе, во дворе, в котором тоже не было ни звука... Он, видимо, хотел создать слова из самого скупого матерьяла, какой нельзя ни сшить, ни разорвать, в котором нет ни складок, ни изъянов. И вот, представь, нашлась такая ткань. Но чем её кроить и как торочить? Он развернул её, и с потолка упала темнота – и стала Ночью. Он вдруг увидел: заросли фонем растут по всей земле, но кто их сеял? Зачем они взошли, по чьей вине, давно употребляемые всеми?.. И тут Он сам впервые осознал, что нет, да и не может быть, Начала, как нет его у раковины Сна, в котором бы Реальность ни звучала. И нет Тебя совсем, и Слова нет, а если бы и было это Слово. Ты не пошёл бы с ним встречать рассвет туда, где океан во льды закован. Достигнув сокровеннейших глубин, взметнёшься ввысь, как ворон из

где Слово-раб, оно же - Господин... Ты замолчишь - и речь Его польётся, затем, чтоб мерой смысла не служить, не учреждать вмещающие рамки; затем, чтоб возникающую жизнь озвучивать и ей служить гарантом; воссоздавать весь мир от "аз" до "ять" и хоронить в молчании, и снова рождаться, жить, любить и умирать на языке, в котором нет ни слова.

Жёлтые сны султана Сулеймана

Четырнадцать жён утонули в зыбучих песках. Четыре скончались от ядов болотной воды. Ещё восемнадцать разбились. свалившись со скал. Последние семь потерялись в прозрачном, как дым, осеннем лесу. И остались - холодный закат,

от близкой воды озябший, незрячий визирь.

грустящий по жёнам султан и,

Переставший искать

султан затолкал его в реку, ударив под дых, и долго потом наблюдал,

как несчастный плывёт не к берегу - ближнему,

дальнему - речки, а вдоль, и молит о помощи - жалко,

гнусаво... но вот

его голова тоже скрылась под быстрой водой. И, может быть, это удача, а, может быть, нет:

султан, оказавшись один на один с тишиной.

забыл своих жён. разбежавшихся слуг, звон монет... нашёл своё сердце - и стал

Уходящий в море

В память Бориса Блинова

на минуточку мной.

Уходящий в море спит. Дорожка лунная мчит его, не беспокоя гладь непресную. Не плывёт Ясон за золотыми рунами, не томится люд – печалью и болезнями. Лишь колеблется и видоизменяется та вода, в которой слепо, как зашитые, пребывают неизменные черты лица, растекаясь, - ахеронами*, коцитами**... Тонким светом глубина её пронизана, и не помнит в тишине она, бездонная, ни про твердь, разъединённую границами, ни про жизни, разделённые кордонами. Холодит сердца прохлада предосенняя. Уходящий в море - вдаль скользит под месяцем,

перешедший все черты невозвращения, но хранящий мысль - однажды снова встретиться...

*Ахеро́н (др.-греч. Аҳє́рою — «река скорби»). Согласно одному мифу, Ахерон — это терпящий наказание титан **Коцит (Ко́котос) - приток р. Ахерона в Эпире, рано перенесен был греческими мифами в подземный мир, как река в Тартаре. К. ("река плача и стенаний")

Comme a la guerre

Мой взгляд не порадовал, то есть, порадовал НЕ мальчишка, стоящий напротив в цветных труселях. АК-47 был направлен в меня (на войне обычное дело). "Да ты не умеешь стрелять!" -Зачем я сказал это вслух? Кисть руки напряглась, под кожей видны стали русла встревоженных вен, и ствол очень медленно всплыл мне до уровня глаз... Теперь ты умрёшь: доигрался, дурак-человек!

Зелёная муха, приняв за котлету цевьё, решила нас всех примирить потиранием лап...

Мальчишка по-прежнему думал о чём-то своём и целил мне в лоб, но по-прежнему медлил стрелять. И вдруг кто-то выстрелил: БАХ! ·

Я, должно быть, убит и падаю, падаю - в солнцем прогретую пыль... Но нет! Я стою, как стоял,

а мальчишка в крови лежит в трёх шагах от меня, обо мне позабыв.

И делает вдох, и от судорог рот его кругл, и тонкая кисть продолжает сжимать автомат...

И я, наклонившись над ним, исступлённо ору: "Зачем вы, ребята?! Ведь он НЕ УМЕЕТ СТРЕЛЯТЬ!!!"

*Comme a la guerre - из знаменитого высказывания "a la guerre comme a la guerre" - на войне как на войне

Ирина Кушнерова

Родилась 1 июля 1980 года во Владивостоке. Окончила институт массовых коммуникаций Дальневосточного государственного университета в 2002 году. Работала редактором спецпроектов в Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Вла-дивосток» и корреспондентом на Обще-ственном телевидении Приморья. С декабря 2005 года года живу в Новой Зеландии (г. Окленд). Стихи публиковались в различных интернет-изданиях.

Чуже-странное

Карта судьбы целиком из крестиков. Не проползти, как по полю минному. Чёрт! Кто придумал искать библейское в странных блокбастерах тарантиновых?

Время не каменное, скользящее, Может, увидимся вновь... до скорого! Будешь терзать меня ненавязчиво В сказочных снах крейсер-авроровых.

Птицы и те всё за море косятся. Знаешь, в пути нам придется туго

математически синусу - косинус, географически северу югово...

Дельтапланы

Осень всегда рано, сколько ни верь в лето, сколько ни ставь свечи шедрому богу солнца. Снова тонуть в листьях, в шерсти цветных пледов, губкой смывать в душе теплый загар-бронзу.

Страшно играть в руны, сложно менять планы, глупо хранить на пленках чей-то родной голос. Чаще смотри в небо, верь в мои дельтапланы, я им чиню крылья, я долечу скоро

А знаете...

А знаете, что такое любовь?

Это когда в самой крепкой цепи размыкаются звенья. Это когда для него расстаешься с собственной тенью. Это когда за спиной ощущение сломанных крыльев и нечем дышать... словно тебя цунами накрыло!

А знаете, что такое любовь?

Это когда семь раз на дню из гнезда выпадаешь. Это когда без него не живешь – едва выживаешь. Это когда до ручки до края доходишь до паперти! И ни царя в голове нет, ни господа бога, ни матери!

А знаете, что такое любовь?

Это когда словно плетью хлещут слова его. Это когда срастаешься взглядами намертво! Это когда несет тебя в бездну бурным течением и наплевать! И ничто на земле не имеет значения!

А знаете...? Да ничерта вы об этом не знаете...

Морская баллада

Расскажи мне, любимый, куда они держат свой путь, распустив паруса, как огромные белые крылья? С верой в щедрость ветров, с пожеланьем "семь футов под килем", вдоль по лунной дорожке, с которой уже не свернуть...

Расскажи мне легенды, которые вторит прибой, разбиваясь об острые скалы, срываясь на шёпот. редактируя мир в гениальном "эдоб фотошопе", мы живём в своей сказке, не зная, что там за чертой...

А ещё расскажи, как достигнуть своей широты? И что делать тому, у кого нет ни лодки, ни вёсел? Расскажи мне, любимый... Мы будем сидеть на утёсе и считать, сколько звёзд отражает поверхность воды...

Неяпонское танго

Чёрный винил выпускает пар, сталью по нервам скрипит иголка. Я покажу вам, расслабьтесь только. несколько лёгких

Помните свадебный первый вальс? В каждом движении зов природы! Что говорите? Совсем свободны? Выпьем тогда за нас!

Танец не лыжи и не бобслей! Что же вы, сударь, так неуклюжи? Хватит ногами паркет утюжить! Бульте со мной смелей!

Какой милый любовный бред! Чувственно-дерзкий, как paso doble! Мы ведь над пропастью... рухнем оба! Лонжи в комплекте

Ночь так божественна! сердце в такт...

Что? Вы уходите? Песня спета? Вы же клялись, что свободней ветра! Поняла не так?

Споткнувшись в который раз, я не танцую Пас...

Орешина Нонна Николаевна – член Союза писателей с 1969 г. – окончила Казанский химико-технологический институт. Работая по спе-

ный психологический роман "Мина замедленного действия" (2003г.), роман о военных лётчиках "Небо земных надежд" (2009г.) и книга воспоминаний "Полёт души" (2009г.).

Н. Орешина – Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами CCCP, Заслуженный работник культуры РТ, Лауреат литературной премии имени М.Горького и Всероссийской литературной премии имени Г.Р. Державина. Награждена медалями.

Отрывок из остросюжетного психологического романа Нонны Орешиной "Мина замедленного действия".

Время действия - начало двухтысячного года, место действия крупный город. Главные герои - подросток Стас и его тёзка - девятнадцатилетний Станислав (Стальной), сплотивший вокруг себя небольшую "семейку" ребят из неблагополучных семей. Их идейные и духовные разногласия, отношение к жизни и ценностям её особенно наглядно проявились в ответственный и романтический момент.

Шагнуть в небо...

Набрав высоту, "Антоша" опустил крыло, и, словно опираясь им на вздыбившийся горизонт, сделал разворот - первый виток спирали, по которой он будет карабкаться до тысячи метров.

Глеб время от времени говорил высоту, показывал ориентиры. Все липли к иллюминаторам, обсуждая увиденное, лишь Стальной едва поворачивал голову и больше смотрел себе под ноги, изучая узоры на резиновой дорожке

Короткий рык сирены, красная вспышка лампочки на переборке - все долгожданно и внезапно, как залп. Глеб скомандовал:

- Приготовиться! - и, распахнув дверь фюзеляжа, встал у кромки, хладнокровно глядя вниз, оценивая подстилающую поверхность.

Ворвавшийся поток воздуха окатил тело снаружи, а внутри словно обожгло кипятком. Движением руки инструктор поторопил первую тройку. Зятек вскочил суетливо, Сынка парашюты, похоже, придавили, и ноги перестали слушаться. Братуха встал, поскользнулся, ругнулся с досады и уже спокойно шагнул к проему в фюзеляже.

Глеб, стоя у обреза двери, перегородил рукой путь еще рано.

Двойной вскрик сирены - красным пунктиром мазнула лампочка

- Пошел! - Глеб отвел руку и положил ее на плечо Братухе.

Застряв на мгновение, словно вспоминая, какой ногой надо отголкнуться, Братуха рванулся вперед, на секунду заслонив собой кусок белесого неба, и исчез в пустоте. Глеб проводил его взглядом и обернулся к Зятьку.

- Ой, мамочки! - пискнул тот, когда рука инструктора, ставшая чем-то вроде шлагбаума, переместилась от двери на его плечо. Зятек, неосмотрительно глянув вниз, попятился было, но выпускающий легонько подтолкнул. Тот заорал и провалился, а на его месте уже застыл, вытаращив глаза, Сынок. Таким он и лег на поток воздуха, не дожидаясь, когда инструктор к нему прикоснется.

Убедившись, что все купола благополучно раскрылись, Глеб втащил в фюзеляж оранжевые чехлы, отстегнул от троса карабины фал, свернул все и, убрав за перегородку в хвосте самолета, присел на край скамьи. Первый заход отработали, - Глеб улыбнулся.

Идем на второй.

"Антоша", старательно выписав круг, снова лег на боевой курс. Глеб выжидательно посмотрел в сторону кабины, словно подгоняя командира, и тут же прозвучал первый сигнал.

Стас вскочил и подтолкнул Стального. Тот вяло

поднялся, придержался рукой за стенку.
- Давай, давай! - нетерпеливо поторопил его Стас, пытаясь сдержать странную вибрацию во всем теле. Но это был не страх. Стас так старался все рассмотреть, понять и запомнить, столько эмоций забрали у него другие, что на себя уже не хватало.

Двойной сигнал - рука Глеба, открывая путь в Небо, освободила дверной проем. Стальной сделал последний шаг, глянул вниз и отшатнулся, схватился за обрез двери. Колени у него подогнулись. - Ты чего? - удивился Стас и только тут увидел

лицо тезки

- Не волнуйся, - Глеб взял Стального за плечи, - это бывает. Ты подготовлен лучше других, ты - спортсмен. Собери волю. Давай... - Глеб подтолкнул его, но руки Стального свело судорогой. В широко раскрытых, остекленевших глазах стоял ужас. Он ничего не слышал, не понимал - высота гипнотизировала, убивая все чувства.

- Готов? - Глеб поднял глаза на Стаса и, протянув руку, быстро и твердо перещелкнул карабин его вытяжного фала вперед. Посторонился, оттесняя Стального в глубь фюзеляжа. - Давай!

Километровая бездна дохнуда ветром, холодом и пустотой. Миллионами поколений выработанный инстинкт самосохранения закричал телу: "Стой! Мы не птицы, нам не дано летать!". Грудь полоснул кнут ужаса, но руки готовно легли на "запаску", одна нога встала в упор, другая оттолкнулась резко, и он провалился в никуда

Тело, теряя вес, словно ахнуло, крутанулось безвольно, как в невесомости, зато сознание, концентрируясь, обострило все ощущения. Время, замедляясь, стало растягивать секунды, давая возможность заметить, язычком пламени вспыхнувший у двери фюзеляжа чехол, сдернутый фалом, и белесый, стремительно развернувшийся сгусток капрона: услышать шелест строп, вырывающихся из ранца. тающий гул уходящего самолета - все одновременно, мгновенно, но на всю жизнь впечатываясь в память чувств.

И тут же с силой встряхнуло, дернуло вверх - рас-

пахнувшийся купол оборвал падение. Стас вскинул глаза и придирчиво осмотрел напрягшееся полотнище. Воздух под ним был плотен, упруг, а эластичные стропы стали твердыми, как штыри. Весь парашют казался теперь целостной, жесткой конструкцией. Стас, подтянув под себя лямку, удобно сел, повел взглядом и обмер от восторга.

Насыщенное рассеянным светом небо было везде вверху, внизу, вокруг. Левственной белизной стелилась земля. Безбрежье новорожденного снега, круговая линия горизонта, отодвинутая далеко за щетину растянувшегося леса, за атласно-белую ленту реки, за строения муравьиного города - все было незнакомо, нереально.

Все было Чудом, и он парил словно облако, вроде бы и не снижаясь, сам чуло из чулес, полвешенное на вполне реальных стропах, под существующим куполом, одна половина которого светилась - в той стороне протаивало облака солнце. Сам воздух не чувствовался - парашют плыл по ветру. Странное безмолвие, как будто выключены все звуки.

И - свобода. Не просто свобода трехмерного пространства, а свобода раскованной, стряхнувшей все стра-

проблемы, заботы горести остались там, на Земле, их словно и вовсе не существует.

На такой высоте можно ощущать себя героем, суперменом, олимпийским богом! Сам новоявленный Олимп политиков и магнатов отсюда выглядит ничем, потому что их меркантильные Вершины кажутся лежащими в одной плоскости с Долинами простых людей, и небесное светило дает им одинаковое право на мечту...

Пусть имущие думают, что все земное можно купить. Даже парашютный прыжок, оказывается, имеет денежную цену. Но, уплатив ее, войдя на две минуты в Небо, успеешь ли проникнуться его очарованием и тайной?

Здесь избранность определяется не толщиной бумажника, не буграми накачанных мускулов, не готовностью нажать гашетку или кнопку сброса смертоносного груза - все решает состояние души.

Только в небе можно осмыслить по-настоящему чудо сотворения мира, совершенство Природы и задуманную Свыше необходимую гармонию человека с лучшими деяниями его. Только здесь удастся понять то возвышенно прекрасное, что на земле заслоняется мишурными заботами: жаждой власти, шакальей грызней и дурманящим запахом крови, пролитой с бездумной жестокостью.

Отсюда, с Высоты, даже смерть видится иначе. Да есть ли вообще небытие смерти? Что-то должно же быть в человеке вечно, иначе, зачем эта жизнь, а в ней труд, добро, окрыленность желания? Умирая, человек ничего не заберет с собой: ни ценности, ни привязанности, ни чувства. Даже память о себе - прекрасную или дурную - он оставит другим...

В вечность бессмертия можно унести лишь свое обновленное Этой жизнью, возвысившее себя или из-мельчавшее "Я", одно-единственное во Вселенной, в бесконечном времени мироздания.

Мысли возникли как залп фейерверка - вспыхнули, замерцали, распустились вторым ярусом дивно, чудно и погасли разом. Стас вздохнул прерывисто, отгоняя тающие дымки. Он предвидел все это, предчувствовал, но никакой фантазии не хватило бы вообразить, не испытав, что такое счастье исполнившейся мечты.

"Господи, если Ты есть, спасибо!" - невольно родилось в душе.

- Ноги - вместе. Но-ги! - донесся с земли усиленный мегафоном голос, и Стас вздрогнул. Взгляд метнулся вниз, прикидывая расстояние до снега. Мгновенный испуг сменился чувством облегчения: высота еще есть. Значит, кричали не ему.

Стас не сразу понял, что таракашка на снегу -Братуха. Он пытается собрать парашют, раздуваемый ветром. Значит Василий Иванович, стоящий невдалеке, кричал Зятьку. Голубоватая тень от купола плывет по снегу, сближаясь, по мере снижения, с парашютом. Вот слились в единое - Зятек приземлился.

Какое точное слово: при-земле-ние. Оказаться при Земле, прикоснуться, прильнуть к ней... Купол тащит Зятька. Что с ним?.. Все нормально - побарахтался, повозился с полотнищем, укрощая его, встал. А где Сынок?

Стас поискал глазами. Третий купол сносило в сторону строений как семечко одуванчика на пушинке. Сынок висел спиной по ходу движения, но ничего не пытался предпринять.

"Ну, развернись, скрести лямки!" - мысленно закричал Стас.

- Разворот по ветру! Лицом - к строениям! - озвучил его мысли мегафон. Й чуть погодя:

- Но-ги!

Сынок шлепнулся на снег боком, вскочил и, пытаясь погасить вспухающий купол, повалился на него, смешно раскинув ноги и руки, хотя проще было, еще лежа, потянуть на себя нижние стропы.

'Слава богу, "семейка" на земле. А где же Стальной?" - Стас обшарил взглядом небо, но собственный купол закрывал обзор. Зато на земле было теперь видно все очень отчетливо: и Василий Иванович с мегафоном, и только что приземлившийся в стороне самолет.

Вон и Глеб идет. Остановился, запрокинул вверх

. "На меня смотрит, - обрадовался Стас. - Любопытно, как я выгляжу с земли?" - мысль споткнулась, холодом обожгло живот, словно снег уже впился в оголенное тело. Совсем близко - старые следы, подернутые корочкой льда, и свежие, залитые тенями.

Белая земля хищно бросается вверх, под ноги. Стас успевает почувствовать их оттренированную сомкнутость, руки заученно отжимают тело на лямках, стропы и купол плавно пружинят, предупреждая, оттягивая удар. Все тело напрягается - сейчас... вот... всё!

Ступни даже не обожгло: сугроб пуховой подушкой бросился под ноги, самоотверженно подставляя покатый затылок. Сообразив, что стоит выше колен в снегу, Стас расслабился и был наказан: непогашенный купол повалил его лицом на ледяную корку. Заботливый сугроб оказался коварным. Он не давал шагнуть. Руки по плечи тонули в снегу, а парашют елозил, пытаясь выдернуть незадачливого ездока и потащить его по жесткому насту, куда вздумается.

Внезапно он присмирел. Стасу удалось сесть и протереть забитые снегом глаза. Проморгавшись, он увидел, что рядом, сжимая его купол в объятьях, стоит Сынок. Расплывшееся в ухмылке лицо сияет.

- Ну, и физия у тебя, словно по стиральной доске тащили. И тогда, в тачке, одного тебя шибануло - все не в кайф, - голос у Сынка ехидный, как всегда.

Стас дотронулся рукой до щеки, и на ладони остались быстро тающие красные снежинки.

- А ну, покажи, - Глеб подошел, присел на корточки перед Стасом. - Ничего, заживет до свадьбы. В медпункте врач сидит, скучает. Сходи, обрадуй старушку. А мы с Василием Ивановичем по разочку прыгнем. Не все же только вам, - Глеб шутил, но глаза его озабоченно щу-

Подошел Братуха, сбросил с плеч сумку с парашютом, равнолушным взглядом скользнул по лицу Стаса, спросил

- А Сталь... Станислав где? Че его не бачу?

- Да вон он... - нахмурившись, Глеб кивнул в сторону дороги. Как раз в этот момент вишневые "Жигули" выезжали с аэродрома.

- Ниче не понял, — набычился Братуха. - Он же во втором заходе с тобой, тезка, должен был..

- Должен, да не обязан, - быстро сообразил Сынок. - Сдрейфил наш Стальной, в портки наложил!

- Ты че, да я тебе... - двинулся на него с кулаками Братуха и замер, растерянно переводя взгляд с Глеба на Стаса. Вид у него был несчастный.

- На послепрыжковом разборе все обсудим, - инструктор взглянул на часы. - В одиннадцать тридцать сбор в здании СКП, в классе.

Глеб ушел. Стас, оттягивая неизбежный разговор, собирал купол, старательно вытряхивая из него снег. Две пары неприязненных глаз буравили ему спину.

- Да не знаю я, почему он... - испытывая одновременно досаду, смущение и злорадство, пробормотал Стас. - В обрез двери внепился молчит глаза стеклянные. Может Глеб объяснит, он с ним остался. Даже сам не прыгнул, а хотел.

Подбежал запыхавшийся, взмокший Зятек. Последние метров сто он волочил переносную сумку с парашютом по снегу, и Стас, увидев такое безобразие, вскипел. Не давая отдышаться, заставил вытряхивать из сумки и купола ледяную крупу. Потом понес свой парашют в автобус, предоставив "семейке" возможность наедине обсудить случившееся. В глубине души ему даже было жалко их. Но не Стального.

Потом все вместе смотрели, как снижаются плоские, с чуть вогнутыми краями, парашюты мастеров желто-зеленый Глеба и бело-оранжевый Василия Ивановича. Сближаясь и расходясь, они выписывали спирали, то широкие, чуть не во весь аэродром, то сильно креня "мягкие крылья" вокруг своей оси. Вальсировали парой. А под конец, разойдясь на приличное расстояние, спланировали точнехонько и почти одновременно в крест, выложенный из черных полотнищ на снегу.

Все было так необычно и красиво, что парни, напрочь забыв о Стальном, спорили, удивлялись, даже матерились от восхищения, благо, некому было на них

Стаса они принципиально не замечали

- Прошу каждого, в порядке очередности прыжка, доложить впечатление и замеченные у себя ошибки, - усаживаясь за стол вместе с Василием Ивановичем. распорядился Глеб. Раскрасневшееся, довольное лицо его приобрело мальчишески задорное выражение. Стасу казалось, что инструктор был бы не прочь порассуждать и о собственном прыжке.

- А че, фартово! - заулыбался Братуха. - Я в военкомате так и скажу: желаю в десантники. У меня супротив других козырь есть - прыжок. А если еще дадите, то и больше. Ошибочек, вроде, не было.

Зятек тоже был доволен, но больше самим собой, таким ловким и героическим. Насчет второго прыжка не заикнулся, а, услышав предложение Глеба, неуверенно кивнул и, опустившись на свое место, крепко задумался.

Сынок восторгов не проявлял, но толково объяснил причину своего приземления спиной и сражение с куполом

- А у тебя что? - глянув на Стаса с упреком, спро-

сил Глеб. - Размечтался, на других засмотрелся и о времени забыл. Я вот все думаю: почему оно такое разное - время.

Если в жизни, то замедляется, когда скучно, а убыстряется, когда и без того некогда. За компьютером сидишь - реальное время мчится, как сумасшедшее, а виртуальное не замечаешь. В небе же растягивается, даже секунды дробятся. В первые три все вель приметил. А потом, когла Честное слово, я больше никогда не зав сугроб угодил... зеваюсь, - взмолился Стас, сообразив вдруг, что ссадина на щеке может стоить ему длительного, а то и вечного отлучения от неба. - Не паникуй. - понимающе улыбнулся Глеб. - ни-

кто тебя от прыжков отстранять не собирается. Ошибки свои заметил - хорошо, честно признался в них - отлично. А что касается вашего товарища... - Глеб обвел задумчивым взглядом осиротевшую "семейку". - "Отказники" - случай редкий и рассматривается как чрезвычайное происшествие. Мы, инструктора, виним обычно себя: не вселили уверенность, недостаточно тренировали. В случае Любочкина - иначе... Существует врожденная боязнь высоты, но знаю случаи, когда ее побеждали. Что помешало сейчас вашему товарищу, сказать трудно. Но предупреждаю: никаких насмешек, ему и так тошно. Искренне жаль парня. Я его на индивидуальную акробатику нацелить хотел, но... А теперь Василий Иванович разберет ваши ошибки в воздухе и на финише - при приземлении.

Ошибок было предостаточно, пришлось парням попотеть и покраснеть. Но все переживания окупились подарком, который сделал командир звена. Поздравив со вступлением в парашютное братство, он вручил каждому значок - покрытый эмалью бело-синий парашютик с подвешенным под ним ромбиком, на котором была выбита единица

- Число на подвеске будет меняться в зависимости от количества прыжков, пока не заработаете более нарядный значок спортивного разряда. Потом и до "мастера" недалеко. А пока. - в ровном голосе Сергея Михайловича пробились торжественные нотки, - приколите себе на грудь это наглядное доказательство вашей смелости и гордо носите его.

Стас и "семейка" силели пунцовыми от смушения с ними никто, никогда не разговаривал так.

Что жизнь многогранна, Стас понял давно. В его воображении она представлялась чем-то вроде вращающегося шара с цветными гранями, озаряющими то медленно, то быстро текущие отрезки времени. Вот блеснуло обжигающе-золотистой радостью.

и тут же подползла сумрачно-лиловая грань непонятной хандры. Неожиданно заискрилась бодрящая зелень, выманивая из удрученности в состояние желания и лействий. Нежданно-негаданно, как в Лилиной светелке, вспыхнуло нежно-розовым. А потом оборвалось бесцветной гранью неопределенности и сомнений...

Наверное, для каждого есть властвующий в нем граненый шар. Мелькающие отсветы его пляшут, перемешиваясь с отсветами других шаров, соперничая, искажаясь или обостряясь. Лишь когда грани совпадают по времени, и поток единого цвета устремляется в одном направлении, тогда Душа, становясь огромной и легкой. взлетает и парит в общем порыве чувств.

Грядущий отрезок времени озарился для Стаса и "семейки" единой голубой гранью. Она сияла, пропитывая радостью весь мир, заставляя облака расступиться и небо пролиться синевой.

. Они стоят на стартовой линии готовности в защитных касках, неуклюжие от надетых на них ранцев. И хотя парашюты были уложены собственноручно, под наблюдением инструктора Глеба, однако Зятек тревожно ерзает спиной. Ему кажется, что подвесная система подогнана у него плохо, и все тянет или болтается.

Братуха шикает на него, с нетерпением поглялывая на самолет и недовольно - на Василия Ивановича: тот поставил его последним. Он еще не понимает, что именно поэтому будет прыгать раньше всех. Сынок воспринимает все как досадную необходимость. Стальной спокойнее обычного, и улыбочка его приобрела ироничный изгиб. За все утро Стас не услышал от него ни слова, булто тезка на этот день дал обет молчания.

Василий Иванович закончил завершающий осмотр ранцев, когда из здания СКП вышли командир звена и Глеб. Сергей Михайлович, прежде чем подняться в самолет, обошел его, придирчиво приглядываясь. О чем-то спросил механика, вылезшего из фюзеляжа

Глеб остановился перед строем невольно подтянувшихся ребят. - Все в норме, - буднично доложил Василий Ива-

нович. - Что там? - Порядок, - кивнул Глеб, - на прыжки "добро" есть. Синоптики усиление ветра не обещают.

На инструкторе уже надет меховой шлем и парашюты, но он их словно не замечает, как перестают ощушать тяжесть рабочей одежды на теле. Кроме маленького страховочного прибора, размещенного в кармашках всех ранцев, у Глеба над "запаской" Стас заметил круглые окошечки высотомера и секундомера - атрибуты прыжков далекого будущего, в которое Стас еще не решался заглянуть.

- Итак, - Глеб внимательно посмотрел на отвлекшегося Стаса. - все. что надо, теоретически, вы усвоили. И, как показали зачеты - хорошо. Осталась самая ответственная и увлекательная часть, - инструктор пробежал по лицам парней взглядом, стараясь встретиться с глазами каждого. Он был как всегда спокоен, но Стасу казалось, что Глеб еле сдерживает нетерпение, умея его обуздать. Порядок покидания самолета: - продолжал инструк-

тор, - Алексей, Игорь, Михаил садятся по правому борту, и будут прыгать в первый заход. Два Станислава - по левому и - во второй заход. Все делать по команде. Метеоусловия: высота облачности - две тысячи метров, температура у земли - минус восемь, ветер - северо-восточный, три метра в секунлу. Так что плавненько будет сносить в сторону строений. Слушать подсказки Василия Ивановича по мегафону с земли. Йомнить - но-ги! - Глеб присмотрелся к обуви парней и, убедившись, что все советы его учтены. скомандовал: - Вперед!

Стас знал: если он войдет в самолет раньше тезки, то будет прыгать последним, а, значит, увидит каждого в тот решающий миг, которого ждут и страшатся, с замиранием сердца представляя его... Стальной замешкался наклонился поправляя

шнуровку ботинка. Стас умоляюще взглянул на Глеба. - Ну, давай, - кивнул в сторону самолета инструктор. Фюзеляж наполнился звуками. Командир, надев ники, переговаривался с кем-то, предупреждая о начале полетов. Гулко множились стуки, скрипы, шарканье ног Вспыхивали и тут же гасли короткие фразы Всколыхнувшийся было спор между Зятьком и Братухой

мгновенно стих, стоило войти Глебу Инструктор, вташив подвесную лесенку, закрыл на защелку лязгнувшую дверь. В фюзеляже стало уютнее. Зарокотал двигатель, задрожали стенки, потолок, пол.

Глеб, подходя к каждому, вынимал вытяжной фал из-под резинки на ранце и защелкивал карабины на тросах, протянувшихся по обе стороны прохода от кабины в хвост самолета.

'Теперь мы как на привязи", - подумал Стас, и в этот момент двигатель вышел на полные обороты. Фюзеляж отчаянно затрясся, самолет слвинулся с места, заскользил лыжами по необкатанному снегу, чувствуя каждый бугорок, складочку.

Внезапно толчки прекратились - лыжи оторвались от наста, и "Антоша" понесся по воздушному пути.

"Все! Теперь на землю попасть можно только с парашютом". - на секунду Стас почувствовал себя в кресле врача, готового выдернуть ему зуб. Только сейчас не смалодушничаешь, не сбежишь.

Наверное. "семейка" испытывала что-то похожее. Сынок побледнел и начал покусывать губы. Зятька затрясло. Братуха, вытянув шею, заглядывал в иллюминатор, где уходила вниз выбеленная снегом земля. Обретая шаткое равновесие, самолет скользил по воздуху, то чуть проваливаясь, то "вспухая" на небесных ухабах, и тогда в груди и в животе Стаса все тоже падало и вздымалось. Незнакомое чувство не пугало, хотелось испытывать его много раз.

циальности, писала повести и рассказы. Позже, осуществляя юношескую мечту, темой своего творчества избрала авиацию. Прыгала с парашютом, летала с планеристами, работала инженером эскадрильи отдела ПАНХ. В течение 15 лет, выполняя задания Военного отдела газеты "Правда", по разрешению Главного штаба ВВС и Министра авиационной промышленности летала в качестве специального корреспондента на сверхзвуковых истребителях по всем видам их боевого применения, на бомбардировщиках, боевых вертолетах, самолёте вертикального взлёта (с палубы корабля) и самолёте-амфибии. Писала очерки о военных летчиках, инструкторах и курсантах лётных училищ, о летчиках-испытателях и авиационных психологах. В Лётной книжке писателя зафиксировано более 800 полётов на 36 типах летательных аппаратов. В разные годы в Москве и Казани было опубликовано четырнадцать

книг Н. Орешиной - сборники повестей, рассказов, очерков, остросюжет-

хи и сомнения ликующей Души. Вольность мысли - все

Оказывается, время на всех часах два раза в году переводят: ничего себе! А я об этом узнала только вчера Мы пришли в гости к Тёмке вместе с мамой, чтобы договориться о поездке на дачу в воскресенье, а когда пили чай, я услышала:

- Нужно не забыть часы перевести с субботы на воскресенье, - сказала тётя Оля.
- И не говори. А я-то в том году всё воскресенье без горестей прожила до самого вечера, а когда собралась концерт по телевизору посмотреть, оказалось, он уже заканчивается. Забыла часы перевести, – ответила моя мама.
- Помню, ты ещё возмущалась: «Что такое? В программе одно, а по телевизору другое», – улыбнулась тётя
  - Что перевести нужно? заинтересовался Тёмка.
- Стрелки на часах, не стала уточнять подроб-
- ности тётя Оля.
- А когда будем переводить? спросила я. - Вот как раз завтра, - ответила мама, - хорошо, что заговорили про это.
  - А зачем их переводят?
  - Говорят, большая экономия электроэнергии.
- А я как экономист утверждаю, что это смешная экономия! Потому что в пересчете на одного человека годовая экономия меньше тридцати рублей. А на таблетки после перевода часов мы тратим в год более восьми тысяч рублей!

Мамы наши ещё долго говорили про то, какой вред приносит перевод стрелок здоровью. «Как это обычный будильник с обычными стрелками может вред принести, если просто подкрутить эти самые стрелки? Совершенно непонятно», - думала я. Мамы перешли к тому, что дети должны подниматься с солнцем, а не затемно. «Это правильно. Я очень не люблю вставать, когда темно. У меня никаких сил нет. А когда солнышко в окне, я быстро подскакиваю». Дальше разговор пошёл о том, что резко возрастает число заболеваний сразу после перевода стрелок, поэтому нужно следить за своим здоровьем и ни в коем случае не перенапрягаться. И что за несколько минут до рассвета наш организм, оказывается, ускоряет все свои процессы, как будто торопится завершить всё в срок. А если сон взять да оборвать, то мы не успеваем восстановить свои силы до конца, и всё, что мы запомнили за день, быстро забудется. К тому же, что-то где-то не успеет очиститься.

- Так зачем же мы их всё-таки переводим? Я так и не понял, - сказал мне Тёмка, крутя будильник в руках, когда мы пришли к нему в комнату.
- Да уж, один вред получается от этого перевода стрелок! А я понять не могу, как всё-таки это может на меня повлиять? Да ещё так плохо?
- Вот кулёма! Не будильник со стрелками же на тебя влияет, а время! Ты часы подкрутила, а вставать-то будешь по этим самым часам, которые перевела.
- А давай сами завтра все стрелки переведём? восторженно зашептала я.
  - А что? Конечно, переведём, ответил Тёмка.

На следующий день мы вспомнили про перевод стрелок лишь под вечер.

- Так! торжественно сказал Тёмка. Сейчас все наши часы переведём, потом пойдём ваши переводить.
  - А разве не в ночь это делают? спросила я.
- А какая тебе разница? Переведём часы да спать пойдём. Утром по новому времени будем жить.
- Ну да, согласилась я, а куда мы будем стрелку двигать?
  - Как куда?
    - Вперёд или назад?
- Тёмка почесал лоб - Вчера говорили, будто на час раньше вставать теперь придётся. Это значит... Это значит... Нужно на час назад стрелку перевести. Вот так, - и Тёмка подкрутил стрелку будильника
  - Я посмотрела на него с удивлением:
  - Разве назад? Нужно вперёд переводить!
  - Почему вперёд?
- Потому что, смотри! мне не хватило слов, и я выхватила у Тёмки из рук будильник. – Я раньше вставала в восемь часов. Так?
- Ну, так. - А теперь я должна вставать в семь часов. Так?

  - А у нас с тобой сейчас девять вечера - Не девять, а двадцать один час, – поправил Тёмка.
  - Пусть двалнать один, не важно, прододжада я. –
- Если я сейчас стрелку назад на восемь поставлю. - На двадцать
  - На двадцать! Не перебивай! И так вся запуталась!
- рассердилась я. Ну и что? – спросил Тёмка.
- Вот... Если я сейчас стрелку назад переведу, то у меня на целый час больше времени поспать будет! А если я сейчас вперёд её переведу, то, как раз спать останется
- Да? изумился Тёмка. Ну-ка, ещё раз повтори, что-то я плохо понял.
- Я повторила. Мы с Тёмкой начали крутить будильник и так, и эдак. Потом перевели стрелки на всех часах вперёд и побежали ко мне.

В воскресенье, позавтракав, наши семьи на машинах отправились к нам на дачу. Взрослые весь день сидели за столом и разговаривали, а мы с Тёмкой бегали по улицам, смотрели на кроликов, ловили кур и складывали дрова. Когда стемнело, мы вернулись в город.

Утром в понедельник я побежала к Тёмке. Меня встретила расстроенная баба Валя: молочник, который привозит молоко на нашу улицу, уехал раньше времени.

- А у меня сегодня совершенно молочный день должен был быть! Кашку рисовую вам хотела сделать на завтрак, в обед молочный суп приготовить, а вечером блинчики испечь.
- А ты в магазин за молоком сходи, посоветовал Тёмка, - к обеду точно успеешь молоко купить
- Придётся, конечно, что делать. Только боюсь вас, шкод, одних дома оставлять!

Потом позвонила моя бабушка и сказала, что опоздала на важное совещание, которого долго ждала, чтобы что-то «выбить» для своего отдела, и ей ничего не досталось. Мы с Тёмкой пошли играть.

- Хорошо, что мы не работаем, правда? спросила Никаких тебе совещаний, никаких тебе опозданий.
- Правда. Нам бы только сегодня про мультик не забыть. Во сколько он будет-то?

Цикл рассказов «Я и Тёмка»

Международная литературно-публицистическая газета

- Сейчас в программке посмотрю, ответила я. ${\bf B}$ десять утра будут пятая и шестая серии.
- Здорово! Сейчас шарады разгадаем, нам тут мама приготовила, и побежим смотреть. Интересно, что дальше-то случилось. Доплывут они вовремя или нет?
- Доплывут, уверенно ответила я. Хорошие герои всегда побеждают.
- Тут раздался звонок в дверь. Тёмка пошёл откры-
  - Папа? Ты чего вернулся?
- Да вот, понимаешь, на автобус опоздал. Теперь только через час будет следующий. Но меня там ждать никто не будет. Так что пропал день.
- Сегодня у всех какие-то неприятности, вздохнул Тёмка. - У бабушки молочник уехал или не приезжал, Олиной бабушке на работе чего-то не дали, на собрание опоздала. Вот и ты теперь..

Но дядя Толя уже не слушал, его позвала баба Валя что-то подержать на кухне. Мы вернулись в комнату и начали разгалывать шаралы. В десять включили телевизор:

- по нашему каналу пела какая-то лохматая тётенька. - Что такое? - спросил сам себя Тёмка. - Где муль-
- тик? Ну-ка, дай программку, вечно ты всё путаешь! - Ничего я не путаю, - обиделась я, - на вот, смо-
- Действительно, 10:00. Тогда чего не показывают? Тёмка начал переключать каналы, но никакого мультфильма не нашёл и рассердился.
- Это безобразие! Я этот мультфильм, может, всю жизнь ждал! И что?

Тут зазвонил телефон - мы услышали, как дядя Толя сказал «алло», а через несколько минут вместе с бабой Валей вошёл в комнату.

- Так! насупив брови, сказал он. Это вы вчера часы переводили?
  - Мы, ответила я.
  - И как вы их перевели, хотел бы я знать?
  - Мы перевели на час.
  - Куда на час? Вперёд или назад?
- Вперёд, по-моему, ответил Тёмка.
  По-твоему! Вы вчера перевели все часы на час вперёд! И сегодня мать опоздала на важнейшие переговоры! А твоей маме, между прочим, сделали выговор на
- работе за опоздание, показал на меня рукой дядя Толя. - Не удивлюсь, если из-за вас завтра не выйдет газета! - добавила баба Валя. - Потому что дедушки тоже
- опоздали на работу, при этом она подмигнула дяде Толе. - А папа сегодня записан к врачу, – огорчилась я.
- Вот что бывает, если неумехи берутся за дело, всплеснув руками, сказала баба Валя.
- И почему вы решили переводить стрелки вперёд? - спросил дядя Толя, садясь на диван.

Мы, перебивая друг друга, начали рассказывать, почему решили сделать именно так.

- Н-да. А ведь всё проще выеденного яйца. Если вы переводите стрелки на час назад, с 21:00 на 20:00, то и утром часы покажут не 9 утра, а 8. Понятно?
  - Понятно, нестройным дуэтом ответили мы
  - Мы по-другому думали, добавил Тёмка.
- Идите и переводите всё обратно! Немедленно! Думали они! Мыслители!

Как я ночевала у Тёмки

Почти каждый день утром перед работой моя ба-бушка ведёт меня домой к Тёмке. Мы вместе едим, отдыхаем, гуляем на улице и играем. Вечером меня забирают домой, а на следующий день всё повторяется. Мы с Тёмкой не ходим в детский сад - с нами сидит Тёмкина бабушка

А тут вдруг моих папу, маму и бабушку отправили в командировку. Точнее, папа уже третий месяц в командировке в Башкирии, мама поехала с докладами по области, а бабушку срочно вызвали на какое-то собрание в другом городе. Дедушка до часа ночи свою газету в редакции принимает. А меня, как сказала мама, нужно куда-то «пристроить». Пристроить меня можно только к Тёмке. Вот туда меня и отправили со своей подушкой одну ночь переночевать, потому что бабушка всего на два дня в командировку уезжала. Баба Валя постелила мне на своей кровати, она в одной комнате с Тёмкой спит, а сама пошла в зал спать.

Пожелав всем спокойной ночи, мы с Тёмкой выключили свет, забрались в кровати и стали перешёптываться

- Ты в Бабая веришь? спрашивает Тёмка.
- Верю, отвечаю.
- А как он выглядит? Ты его видела?
- Нет. Не видела. Но он очень страшный
- Тёмка в темноте вздохнул.
- А цыган боишься? Боюсь. А ты?
- я ооюсь, они детеи воруют - И лошадей, - к чему, непонятно, сказала я.
- Несколько раз приходила баба Валя, но мы делали вил. булто спим. и она уходила, поправив одеяда. Так мы с Тёмкой вспомнили всё, что только можно вспомнить, но потом мне так спать захотелось, что я задремала. Чувствую, кто-то меня за плечо трясёт. Открываю глаза Тёмка стоит:
- А мне кажется, баба Муся, ваша соседка с первого этажа, - ведьма
  - Я ничего спросонья понять не могу.
  - Какая ведьма?
  - Ну, соседка ваша по этажу
  - Давай спать, говорю, уже сил нет.
- Давай, отвечает Тёмка, уходя к себе в кровать, но через секунду опять спрашивает:
  - Ты знаешь, сколько это один биллион?
  - Я села на кровати.
  - Ты спать собираешься сегодня? спрашиваю
  - Да, да, отвечает Тёмка, уже сплю.
- Только я легла, Тёмка опять спрашивает: - Сколько звёзд на небе? Один биллион или один триллион?
- Я не знаю, сколько это вообще. Это какие-то очень большие цифры, наверное.
  - Помолчали немного, а потом Тёмка спрашивает: - Ты представляешь, что такое бесконечность?
- Бесконечность? Это когда нет конца, наверное Вот шёл, шёл – уже конец. БАЦ! А там его вдруг нет, и так всё время..

Слышу, Тёмка уже сопит. А я всё думаю, что такое бесконечность, бесконечная Вселенная, и никак понять не могу: как же так – нет конца?

- Тёмка! Тёмка! – шепчу. – Как же это? Вот уже конец Вселенной, а дальше тогда что?

Тёмка не ответил. Тогда я подошла к нему и стала трясти его за плечо.

- · Ты чего, говорит Тёмка, обалдела? Спи да-- Я спать теперь не хочу, ты меня разбудил. Мне
- теперь мысли разные в голову лезут. - А ты слонов считай, - хмыкнул Тёмка и отвер-
- нулся к стене. - Почему слонов? Я баранов считаю.
- Бараны слишком быстро бегают, ответил, зевая, Тёмка, - не успеваешь считать.
  - Ну, попробую слонов.

Я легла в кровать. Один слон, два слона, три... а вот и большой слон: это слониха-мама – за её хвост держится маленький слонёнок. Но тут слониха исчезает, и слонёнок остаётся один. Я стала думать, как это страшно, если все-все умрут, а я останусь одна. Что тогда со мной будет? Меня, наверное, к Тёмке возьмут жить... Или не возьмут... Это уже не важно. Я стала плакать.

- Тёмка, Тёмка, - говорю. - А ты не боишься, что твои родители умрут?

- Тёмка, качаясь, сел на кровати: Боюсь. Я иногда про это думаю. Но лучше не надо. Спать давай.
- Давай, говорю, а у самой никакого желания спать нет.

Только Тёмка засопел, у меня опять вопрос поя-

- Тёмка, а ты знаешь, откуда дети берутся?
- находят. - Это и я знаю, но есть здесь какая-то тайна. Их ведь когда попало не находят. Сначала жених и невеста празднуют свадьбу, потом появляется ребёнок. Может, нужно празлник следать большой? Или дело в белом

- Знаю, – отвечает Тёмка во сне, – их в капусте

платье? И когда нужно на поле ехать? Чувствую, Тёмка меня не слушает. Я опять к нему па и стала за плечо трясти:

- Ты как думаешь? Когда?
- Тёмка опять сел на кровати: Что – когда?
- На поле ехать когда пора?
- На какое поле?
- На поле, где капуста растёт. - Какое поле? Спи давай! Ни на какое поле мы не поедем! Я вообще капусту не люблю.
- А я люблю, ответила я, ложась в кровать, особенно жареную с маслом. - Мне захотелось лечь поудобнее и заснуть, но тут Тёмка заворочался:
  - Есть что-то хочется.
  - Угу, сказала я сквозь сон.
  - А ты что будешь? - Ничего.
- Пошли, там салат остался... и пирог с мясом...
- Он вытащил меня из кровати и поволок на кухню. Мы залезли с ногами на табуретки и съели всё, что нашли на столе после нашего ужина, а потом вернулись в комнату и до самого рассвета болтали. Как заснули не заметили.

Утром баба Валя нас не добудилась и решила оставить в покое. Проспали мы до самого обеда. А во время обеда Тёмка говорит:

- С тобой совершенно невозможно в одной комнате находиться! Ты же мне спать не давала! - Я не давала?! – возмутилась я. – Это ты мне
- спать не давал!
  - А кто меня разбудил?
- А ты меня не будил? удивилась я Потом мы пошли в комнату и сели на кровати: делать ничего не хотелось.
- И почему все вопросы в голову ночью лезут? спрашивает Тёмка.
- Не знаю, говорю, но днём говорить с тобой совершенно не о чем.

Дом из кубиков

У Тёмки целый ящик кубиков. Они очень аккуратно сложены – всех размеров и расцветок. Там и наши первые кубики хранятся, по которым мы буквы учили и новые, недавно подаренные, лакированные. В кубики мы играем редко. Тогда, например, когда нужно построить горы, чтобы расставить индейцев, или блиндажи,

когда играем в войну. Вот как-то однажды пришла я к Тёмке, а он грустный.

- Чего, говорю, сидишь? Скучно, – говорит Тёмка,
- Понятно, вздыхаю. А так как у Тёмки всё всегда сложено в коробки. а коробки лежат в шкафах, то делать и мне совершен-
- но нечего. Игрушек же нигде не видать. Села я тогда на кровать напротив Тёмки и, как он, давай ногами болтать. Вдруг смотрю, под столом ящик с кубиками стоит. Слушай, – говорю, – можно я в кубики пока
- поиграю? - Можно, - отвечает Тёмка. - Только сложи всё потом опять в ящик.
  - Конечно, говорю. Обязательно.
     Взяла кубики, разложила на столе и стала скла-

дывать их: один на другой, один на другой... Под основание башни положила самые большие, между ними тайник сделала - так называется место, куда что-то спрятать можно. Смотрю, Тёмку это заинтересовало.

- Ты чего это в фундаменте дома дырки делаешь? Это не дырка, – говорю. – Это тайник.
- Потайная комната! воскликнул Тёмка и подбежал к столу. - Так, строим дом вместе: ты со своей стороны стола, я со своей.

- Хорошо. – говорю. – Только я почти все крупные

- кубики уже использовала. - Ну, - говорит Тёмка, - тогда строим один боль-
- Строили мы наш дом весь день. Тёмка притащил всякие конструкции: из «Конструктора» палочки разной длины.

- Это перекрытия, сказал Тёмка.
- Перекрытия, повторила я.

В этот раз я узнала много разных слов: конструкция, перекрытие, балка, бойницы. И откуда Тёмка все эти слова знает и в голове держит?! Когда дом был достроен, мы позвали бабушку Валю.

- Чудесный дом, девять этажей, сказала она
- Это не дом! воскликнул Тёмка. Это крепость!
- Какая крепость? удивилась я. Это дом!
- Нет, крепость! Ты чего, не видишь у нас тут бойницы наверху, а внизу потайные склады для оружия! Да? – ещё больше удивилась я, вытаскивая из
- своего тайника маленькую сосательную конфетку, случайно оказавшуюся у меня в кармане платья.

- И склады продовольствия! - увидев, как я до-

стаю конфетку, гордо заключил Тёмка. Мы никак не могли налюбоваться на свой дом и показывали его всем. Сначала тёте Оле, которая пришла с работы. Потом дяде Толе. Потом моей бабушке, пришедшей за мной. Все нас хвалили и говорили, что дом замечательный. А бабушка Валя говорила, что мы сегодня молодцы, не баловались и весь день строили тихо. Ещё бы не тихо! Сколько раз он у нас рассыпался по неосторожности, чуть ли не до основания, пока построили! Самые верхние кубики мы с Тёмкой, не дыша, выкладывали: то он, то я. Когда уже нужно было уходить, я ещё раз полюбовалась на крепость: она стояла в центре обеденного стола, а стол посередине комнаты.

«Очень красиво», - подумала я. - Завтра поиграем, – потирая руки, сказал Тёмка. - Поиграете, а сейчас спать пора, - ответила тётя

Оля Я ушла домой и весь вечер думала о нашем доме. Придумала на втором этаже сделать отодвигающуюся стенку – вот Тёмка позавидует! А то он понаделал такие же тайники, как у меня. Правда, и стенку такую же, если

понравится, сделает. Прибежала утром. Тёмка уже возле дома стоит, что-то раскладывает. Смотрю, солдатиков расставляет. Но поиграть нам не удалось. В этот день мы свою крепость немного переделали. Как только я со своей стороны сделала раздвижную стену из куска крыши от старого домика, так Тёмка сразу решил сделать так же со своей стороны. А потом предложил сделать такую дверь в центре дома. То есть между моей половиной нашего замечательного строения и его. Пока мы осторожно вынимали кубики, чтобы сделать дверь, дом наш рухнул по четвёртый этаж!

- Блин! Тёмка как закричит. Что творится! Так
- мы его вечно строить будем, никогда не поиграем! - А кто решил эту стенку делать? Будто без неё нельзя было! – заверещала я.
- А кто эту стенку вообще придумал? закипятился Тёмка.
- Он принялся сопеть и собирать упавшие кубики. Я тоже. А дверь надо сделать, – сказал Тёмка из-под сто-Через неё мои солдаты убегут, когда обстрел по
- моей стороне дома будет вестись.. Й мои убегут, – сказала я.
- И твои, кивнул Тёмка. Опять мы свою крепость строили и перестраива-

На следующее утро Тёмка решил в крепость пушку встроить – наш дом опять сильно пострадал. - Это же что такое! – возмущался Тёмка, собирая

- кубики. Всё время из-за тебя у нас всё ломается! - Как это из-за меня? – удивилась я. – Это ты же решил пушку внутрь запихать, а не я. - Это не важно, - говорит Тёмка, - всё так, потому
- что ты мне мешалась здесь, лезла под руку. - Никуда я не лезла, я всё время на своей стороне
- стою.

тут в комнату вошла баба Валя:

- Нет, лезла, и вообще... - Что вообще. Тут Тёмка стал подниматься и ударился головой о стол снизу: наша постройка чуть не развалилась окон-
- чательно - Ой! – завопил он. – Вот видишь! Всё из-за тебя!
- Всё ты мне мешаешь, кулёма! - Кто обзывается, тот сам так называется, - ответила я и показала язык. Тёмка схватил меня за платье, я его за волосы, но

ники! Ни на минуту оставить нельзя, - с этими словами она стала нас оттаскивать друг от друга, а потом взяла меня за руку и повела на кухню. Уберёшь всё, сложишь аккуратно – приходи, сказала она Тёмке.

- Что такое? Немедленно прекратите! Безобраз-

Вообще-то баба Валя очень добрая, никогда зря

не ругается. За чаем с пирогом мы с Тёмкой забыли, что поругались, а до того, как меня позвали домой, мы даже почти всё восстановили. Так мы всю неделю строили, достраивали, пере-

- наша крепость была, наконец, достроена. Мы ходили вокруг стола и восхищались. Здорово, - говорит Тёмка.
  - Здорово, говорю я
  - Ваще! вздыхает Тёмка. Ага! – отвечаю я.

не хотелось строить ничего нового.

Так мы весь день и проходили возле стола, всё любовались. Никакого желания играть почему-то не возникло: казалось, мы только всё испортим. А дядя Толя нам сказал, что самое главное как раз в процессе. Вот строим мы – это и есть игра. А потом, когда достроим, совсем неинтересно может вдруг стать.

На выходных мы с родителями уехали в гости, а в понедельник я прибежала к Тёмке. Вхожу в комнату: стол пуст, а в центре стоит вазочка. Тёмка на меня посмотрел и говорит:

- Бабушка вчера пыль протирала сказала, крепость ей мешает: взяла и разобрала.
  - Какая жалость, пропищала я и заплакала. Тёмка посопел-посопел и тоже заплакал.
- Ну, хватит рыдать, сказала баба Валя. Построите ещё раз свой дом, делов-то. Я села на кровать рядом с Тёмкой. Почему-то мне
- Никогда, никогда мы не сможем сделать такой же дом! – с обидой сказал Тёмка.

- Никогда... – повторила я и заплакала ещё горше Ольга ЯРАЛЕК

Представляем литобъединение «Ковчег» из города Тулы

Сопредседатели ЛИТО -Марина Михалёва и Яков Шафран.

Ольга Бугримова

Колокольный звон

Колокольный звон парит над Тулой, Всех небесной сенью охватив. Благозвучным очищая гулом, Вширь несётся праздничный мотив.

Благовест церковный воскрешает Заповедей божеских закон. А вокруг земля благоухает, Принимая этот перезвон.

Улетит малиновый целитель Голубем в надзвёздные края. Милость ниспошлёт Господь -Спаситель Туле, от невзгод её храня.

Колокольный звон стоит над Тулой... Праведно, торжественно, светло. Призывает, чтобы не уснуло В нас Христово дивное тепло.

Пророка нет в своей Отчизне Сыну Андрею

Заставь сердечко биться ровно,

Когда тебя осудит свет. Когда и брат единокровный, Смолчит, не дав тебе ответ.

Сожми в кулак всю силу воли, Не отвечай на злобу злом. Момента выжди ты, поколе Не успокоится кругом.

И обличений их напрасных Не отвергай. Глумятся пусть. И, пожалев их всех, несчастных, С отрадой продолжай свой путь.

Пророка нет в своей Отчизне, Известно нам с времён Христа. Идти с достоинством по жизни Нет тяжелей, поверь, креста.

Зинаида Выводовская

Луговое цветение

Упав в луга, заря уснёт. Цвет луговой, теплом сморённый И тишиной заговорённый, К родной лужайке припадёт.

А утром луг вновь расцветёт, На трон сияньем водрузится, И не успеешь поразиться... Цветенья долог ли полёт?

Как странно, и оно умрёт. 10 по весне взгорят, как свечи Цветы в лугах сияньем вечным, О смерти зная наперёд.

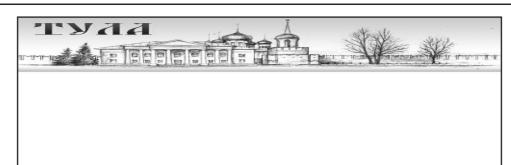
Платье из незабудок

Сколь радости во мне, столь и тоски, Раздумий яркость восприятья. Зовут, волнуя, поля колоски И незабудок голубые платья.

Вчера еще я думала о том: «Заброшу все. И в стан казачий Уеду налегке и с ветерком». Сегодня думаю иначе.

Да кто же я тогда такая есть — Не выполнять свои задачи! Молитву надо благостно прочесть Для исполненья и удачи.

Меня обжитый славный уголок Ревниво держит, как в объятьях. Тебе сплету из васильков венок, Себе — из незабудок платье.

Екатерина Каюрова

Поеду к маме

Мелькает будней колесо, скрипит делами... Остановлю сегодня всё, Поеду к маме! Она у сгорбленных ворот в платке линялом Из-под руки глядит вперёд не ожидала... Заварим мяту у огня, и с летним чаем Мы по старинке у плетня По-сплет-ни-ча-ем. Прольются новости дождём вокруг крылечка, По глади речи поплывём мы, как по речке... Через нужду, беду, с трудом ко Дню Победы. На встречу к тем, кого не ждём - к отцам и к дедам. Просалютует им сирень всем многоцветьем (Салют и там, где вечный день, Их душам светит...) Вдруг облаком растает тень всех лихолетий... А свет любви дойдёт до нас: Рассветом! В лица! Петух окликнет: «Пятый час!» А нам не спится...

Ода дураку

«Миром управляют сумасшедшие, а держится он на плечах дураков» (Платон)

Петляет вечности река, Смывает судьбы и века, И в никуда из ниоткуда Течёт незрима, глубока... Идут по берегу реки И умники, и дураки, У умников полны котомки, У дураков они легки. Зимой, сезону вопреки, Смешно одеты дураки: их согревают из одежды Святой надежды пиджаки. Пылает в душах и очах Любви немеркнущий очаг, Они в добро и в сказки верят, Чем держат мир весь на плечах. Они просты, как детвора, Зачем им мяч из серебра? Их украшает добродетель, И ни к чему им мишура... У умников — богатств не счесть, Им сундуков их не донесть, И если рядом нет лошадки, Всегда дурак на это есть. А если где-то что не так, Всегда готов помочь дурак, Хоть сам он слаб и беззащитен, Но без него нельзя никак!

Когда не станет дурака, На землю рухнут облака, Покуда он живёт на свете-Струится вечности река!

Татьяна Леонова * * *

А стихи - они живые... Где-то в космосе сперва Мыслеформы огневые Облекаются в слова.

Надо только их услышать, В сердце отыскать ответ, Стать чуть-чуть себя повыше -Так рождается поэт.

И тогда польются строчки, Смыслов, ритмов красота, Недомолвок многоточье, Восклицаний высота!

И является блаженство К тем, кто выбрал этот путь -Погруженье в совершенство И Божественную суть.

А стихи — они как дети: Станут чуточку взрослей -И гуляют по планете, Души делая добрей.

Россия! Я буду твоим летописцем, Свидетелем горьким страны угасанья -Как капельки крови замрут

на страницах, Слова о великих твоих испытаньях.

О том, как хапуги землёй торговали, Той самой, что кровью отцы защищали. Детей наших в войнах пустых убивали, И с телеэкранов народ развращали.

О том, как жирела, беснуясь, элита, Народ повергая в пучину страданья, О том, как была насовсем позабыта И совесть, и нравственность,

и состраданье.

Как крестным знаменьем,

крестясь, лицемеры, Повсюду глядели захапистым взглядом, В сердцах убивали последнюю веру, Святыни одев балаганным нарядом.

Ушла Византия во зло погруженьем — Оплот процветанья, культуры и веры. Россия, была ты её продолженьем ... Ужели бесславно уйдёшь,

как и первая?

Прошли понапрасну былого уроки, История нас ничему не научит? И Бог, отдаляя крушения сроки, Утратит надежду, что станем мы лучше!

Мне б в осеннем лесу заплутать, От берёзок и лип — золотом, Собирать в кузова благодать, Чтобы всем раздавать их потом.

Мне б пригоршнями пить из ручья, Пока станет в зубах ломить, Мне уже не понять дурачья, Что совсем не умеет жить!

Не считать мне тоскливые дни, Словно птица, крылами взмахну — Белокаменной запални Рано утром врата распахну.

Валерий Савостьянов

Маменька

Ветер холоден и вьюжен — Оглашенный снеговей... Никому-то ты не нужен, Кроме маменьки своей.

Огонёк далёкий светит Из-под ставенки одной. И никто тебя не встретит, Кроме маменьки родной.

Ты оборван и не выбрит, Колесованный бедой И никто слезу не вытрет, Кроме маменьки седой...

Ты уснёшь, Но в сон твой дышит Огнедышащий дракон — И никто твой стон не слышит, Кроме мамы у икон.

За окошком вьюга воет, Бесы лезут на порог, Но стоит Великий Воин, Воин Духа поперёк...

А проснёшься — варит, жарит. С торбой снеди и обнов Так никто не провожает Только маменьки сынов!

На развилке у пригорка, Где позёмка иву гнёт, Так никто не крестит горько, Что-то зная наперёд...

И не зря тебе казаться Стало вдруг на склоне лет: Богородицей Казанской Смотрит маменька вослед.

Рощица прозрачная, нагая, Листья днями прошлыми шуршат. Есть ли на Земле земля другая, Чтобы так умела утешать?

Озеро все прожитые годы Отражает, словно камыши. Есть ли на Земле другие воды, Чтобы так смывали боль с души?

Русские холмы — как милой груди, Буйный бор — как братья во хмелю. Есть ли на Земле другие люди, Коих так — без жалости — люблю?

Перекрёсток Крест на сердце высек. Чтобы вместе верить и страдать... Есть ли на Земле другие выси, Что так обещают Благодать?

Наталия Силаева Обращение к Господу

О, Всевышний, прошу об одном: Ты прими все простые молитвы. Пусть бродяга найдет теплый дом, Пусть не будет ни ссоры, ни битвы...

Пусть голодный получит свой хлеб. Безработному дело найдется, Пусть пройдет, может, несколько лет -И добро с умноженьем вернется.

Одинокий найдет пусть друзей, А влюбленный — ответное чувство. Станет щедрым скупой богатей, Хулиган пусть полюбит искусство...

Пусть исполнится все поскорей, Пусть свое в жизни каждый находит... Пусть чисты будут души людей, Пусть молитвы от сердца исходят.

г.Жула.

Галина Лялина

Хорошо с попутным ветром Налегке шагать пешком. Километр за километром, Не спеша и босиком.

По просёлочной дороге, По тропинке луговой... Мать – Земля ласкает ноги Мягкой шёлковой травой.

Вот и яркие зарницы Где-то вспыхнули вдали. Свет Божественный струится Над просторами земли.

Не смолкает птичье пенье, Благодать одна окрест. **природы, без сомненья,** Очень много дивных мест.

Начало зимы

Зима как будто спохватилась И запуржила, замела... Так рано солнце закатилось, Позёмка ночью ожила. Волнисто – снежные барханы Возникли сразу тут и там. Колдуют белые шаманы По перелескам и кустам. И вроде бубен даже слышен Сквозь завывания пурги. Позёмка кружится под крышей И не видать вокруг ни зги. Суровый ветер, резкий, колкий, К утру всё дело завершил, И, виновато приумолкнув, Он в путь — дорогу заспешил. Отлично зная своё дело, Помчался дальше напрямик. Земля за ночь одну успела Одеться в белый пуховик.

Геннадий Мирошниченко Прощанье

Я не люблю прощанья на вокзале В бесцельной трате тягостных минут, Когда вы все давно уже сказали, А вот часы как будто не идут.

Я столько раз уже был провожаем, И сам стоял, медлительность кляня, Но все равно, когда я уезжаю, Сжигает память бешено меня.

...Прощанье скупо... Поцелуй Шумит вокзал за спинами у нас... И диктор, будто утренней зарядкой, Расшевелил скучающих у касс.

Я уезжаю. Ты — как будто плачешь... Я говорю о чём-то наугад: «Прости... Не знаю... Не могу иначе...». А сам ловлю, ловлю, ловлю твой взгляд.

Бушуют за спиной чужие судьбы. Желанье их переплелось с моим. И будто день пришел последний, судный, И мы вдвоём над пропастью стоим.

Ни ты, ни я не верили в удачу. И вот в груди взрывается набат... Ты руки тянешь... Я как будто плачу... Ты жадно ловишь

мой застывший взгляд.

Пусть все пройдет! Пусть память вырвут с корнем! Пусть я паду! — не сообщат тебе... Ты руки тянешь в день бездонно черный,

Как в пустоту к своей слепой судьбе...

Мария Михайлова Лампада

Гаснет, мерцая, лампада, Тает во мраке свеча.
- Что же, душа, тебе надо?
Тихой мольбой отвечай.

Стань же пророком отрады, А не льстецом для толпы. И говори людям правду. Кто скажет, если не ты? Мрак покрывает народы, Вижу страданья и кровь. Людям приносят свободу Вера, надежда, любовь.

Жаждет душа покаянья, Правды святой торжества. Храма любви прихожане, Близится Царство Христа!

Пусть разгорится лампада, Чтобы наш путь освещать Что же, душа, тебе надо? - Истину жизни понять.

Виталий Морозов

Весенняя песня

Расцветает сирень вдалеке, И природа родимого края. Я стихи написал на листке С наступлением тёплого мая.

Снова песни поют соловыи. Ветер мчится по пыльной дороге. По-весеннему льются ручьи. А за ними июнь на пороге.

Тот, кто Родину любит свою, Понимает порывы поэта. Птицы вешние песни поют, Всё цветёт в ожидании лета.

Евгений Залесский

Выия

Я не шишка в столице. – прохожий, я сам. На меня не молиться, Уважаемый, вам.

Я не маг, не спаситель, И не хват — эрудит. Обо мне распросите — Скажут: «Он ерундит!»

Я по виду невзрачен, Я не то, чтоб незрячий, Но блуждаю впотьмах.

Лаже если бы лбами Нас столкнула судьба, Ни искры между нами Не возникло б тогда.

Только чую спиною: Вы такой же, как я. Нас одною бедою Окатило зазря.

Вы не шишка в столице, Не подвыпивший франт. Мне на вас бы молиться За сокрытый талант.

За вечернюю скромность, За дневную печаль... Вам бы — даровать помощь, Только нечем, а жаль!

Впрочем — есть! Извините: Отказать не могу. Что хотите, просите, Чем смогу — помогу.

Топор

Международная литературно-публицистическая газета

Ладил дед Егор забор, Вышло честь по чести. Только, вот, забыл топор На рабочем месте.

Спохватился посерёд Беспросветной ночи. Бабка думала — помрет, Огорчился очень.

- Ах, несчастье, ах, позор, -Шепчет бедный тихо — Целый день лежит топор На глазах у лиха!

Каждый, если не дурак, Жаден до презента. Ну, а плотнику-то как Быть без инструмента?

И в деньгах велик разор. Боже правый, сжалься! Сделай так, чтоб мой топор Моим и остался.

Вот суворовским броском В предрассветну пору Мчится старый босиком К новому забору.

Осмотрелся второпях — Умыкнули, нету! Но, приметил вдруг в кустах Чистую газету.

Дед нагнулся и молчит, Веря и нё веря: Под газеткой сладко спит Милая потеря.

Боль ушла, как сон, как дым, Только знать охота: Бог ли сжалился над ним, Или добрый Кто-то?

<u>А</u>х, лукавый маловер, Грешник долголетний, Дать тебе второй пример — Ты запросишь третий.

Не пытай Творца хитро, И не требуй много. Если делаешь добро, Ты под сенью Бога.

Помни первый уговор, Он других дороже. А забудешь про топор -Кто тебе поможет?

Виктория Ткач

Вздохнуть и не поверить: «Я — дышу?!» Упасть в бездонность солнечной купели И осознать — о, Боже мой, пишу, То, что поэты раньше не успели

И – замереть из страха потерять Святую нить, дарованную свыше, Чтоб каждой строчкой трепетно взлетать

Незримым голубем с остроконечной крыши.

И по крупицам душу раздавать, Дарить тепло безудержно и смело, Дарить тепло оезудержно и смел Чтобы потом кому-то написать То, что и я когда-то не успела...

* * * Поэтов нет. Есть откровенья судеб. Надлом. Разрыв. Ушедшие напрасно. Всё то, что было и когда-то будет, И вера в то, что истина - прекрасна.

Поэтов нет. Есть отголоски счастья, Отчаянья, печали, сожаленья, Незримого и тайного причастья, Неслышного вселенского прощенья.

Поэтов нет. Есть небо и свобода, И мир в глазах непонято-блаженных. Вся непохожесть, данная природой, Вливается в искромсанные вены!

И хлещет кровь по нервам и по строчкам. дыхание отчаянно-беспечно, Как краткий путь нелепых одиночек, Которым суждено

восславить Вечность!

Поэтов - нет?..

Юлия Сёмина Истомилась душа

Истомилась душа. Всё искала любовь. И, не думав, нашла Тихой радости кров.

Словно горный ручей, Чистой ласки поток Распахнул сердца дверь, Вскрыв старинный замок.

В глубине детских глаз И в признаньях речей. Откровенный рассказ - Поиск жизни людей.

Яков Шафран Представитель «ПИ1» в г.Туле.

Тихой ночью

Тихой ночью на крышах домов Прикорнула прохладная нега. И у редких огней крылья снов Мотыльками рисуют нам небыль.

<u>И</u> одни от огней вверх скользят, Потому что добро невесомей, <u>А</u> другие, как листья, асфальт Покрывают в ненастном сезоне.

Так идёт разделенье в ночи, Так работа кипит неустанно, Когда всё вокруг спит и молчит, Лишь лампада горит постоянно.

Берёзовый ковчег

Устав от чёрных, трудных дней, Часов пустых иль суетливых, В страну берёзовых кровей Направлю шаг свой торопливый.

Неважно, лето иль весна, Зима иль осень - всё неважно, Ведь средь берёз и смерть красна, Особенно среди отважных.

Отваги им не занимать: Вот стройка рубит их нещадно, Вот свалка их толкает вспять, Болото чавкает злорадно...

Но я иду, иду в белень, В родные, милые берёзы, Готов бродить там целый день Средь их стихов и чистой прозы.

отов закатною порой Соединиться в общей неге листвою, небом и землёй В одном берёзовом ковчеге.

Любовь

Несбывшейся любви мечты, **И**ль ожидаемой приветы Ненатуральные цветы, Иль, натурально, пустоцветы.

За всем - желание одной, Любви единственной, как чудо, Любви небесной, неземной, Которой в Боге не убудет!

Осенний этюд

Тихий шепот осеннего дождика И последних цветов лепестки. Храм стоит без единого гвоздика, приделами служат лески.

В купола небо серое смотрится, Разливанное злато окрест. Осень, пенью духовному сродница, Молча слушает божьих невест.

Нина ШАЛЫГИНА

С 2006 года живёт в Красноярске, создала и руководит творческим объединением «Керосиновая лампа». Член Союза российских писателей с 2000 года.

Лауреат Всесоюзного телевизионного конкурса. Имеет несколько правительственных наград. Отмечена «Почётным знаком за заслуги перед городом».

> Возьми на память это небо У неоглядности полей, Тайгу в тяжёлых космах снега И скалы, вставшие над ней, Возьми себе земные звуки, Возьми себе ночную тишь, А мне отдай глаза и руки, И нежность, что в душе таишь. И успокоятся метели, И снег осыплется с ветвей,

И смело выйдет из купели Весёлый мартовский ручей.

Дворняжка-любовь

Она не ушла. Она псом обернулась, У самой калитки в калачик свернулась. Не кормлена нами, но очень верна, Наш дворик никак не покинет она Дворняжкой ничейною стала ЛЮБОВЬ. Ее обижает прохожий любой. Но в зной и в мороз – при любой непогоде Она никуда от ворот не уходит. С надеждою слушает: вдруг позовут, Сердечно обнимут и счастье вернут. Увы! Мы проходим. Она нам чужда. А броситься в ноги к нам очень горда! . Вот так и живет возле наших ворот Дворняжка—любовь, та, что нас стережет.

Тамара БУЛЕВИЧ

Журналист. В 2005 году вышла книга стихов «Моя планета». Член Творческого клуба «Московский Парнас» и творческого объединения «Керосиновая лампа». В 2007 году за повесть «Фрося-Ефросинья» Международная Ассоциация писателей-баталистов и маринистов удостоила Булевич Т. А. звания лауреата литературной премии и Золотой медали имени Константина Симонова.

Дни разлук слепые

Ни прилёт, ни вылет, Ни дождей, ни пыли. Кто их только выдумал, Дни разлук слепые. Ни тепла, ни вечности, А тоска скуласта, И живу я встречами, Встречами нечастыми. Только ветра буйство, Только хохот молний, И до боли пусто В моём тихом доме.

Отчего?

Отчего речке весело? Отчего речке грустно? С водопадами вешними Быть ли новому руслу?.. К морю синему тянется — Поскорее бы слиться. В ритме брачного танца Речка кружит, томится. Вся до дна засветилась Изумрудными искрами И с неведомой силой Катит волны неистово. Небо мудро хохочет, Море грустно вздыхает И сиреневой ночью Речку вновь поджидает.

Творческое объединение «Керосиновая лампа» создано в 2006 году. Цель его -собрать близких по мировоззрению талантливых поэтов, писателей, кинодраматургов, композиторов в елиное пелое

Объединение создано на основе морально - нравственных и духовных ценностей, гуманистических принципов русской литературной традиции и ее строгих творческих критериев.

Члены «Керосиновой Лампы» провели более семидесяти выступлений и творческих вечеров перед аудиториями Красноярского края, России и ближнего зарубежья. Ими проводятся творческие встречи участников объединения, литературные салоны.

Здесь представлены произведения Членов Союзов писателей Сергея Аринчина, Тамары Булевич, Андрея Леонтьева, Эдуарда Русакова, Нины Шалыгиной и талантливого молодого автора Максима Царикова.

Руководит объединением «Керосиновая лампа» член Союза российских писателей Нина Шалыгина, при поддержке Александра Александрова.

Я-памятник

Вот и сбылась моя мечта - узнать, есть ли жизнь после смерти? Оказывается, есть! Но не для всех

Когда я умер в 2001-м году, прожив, к моему великому сожалению, всего один годик в желанном XXI-м веке, собралась Администрация нашего прекрасного сибирского города Абаканска и выработала программу по увековечиванию меня, писателя с мировым именем. По пунктам:

1. Реставрировать мой домик в деревне, где я родился и трудился, и сделать из него филиал литературного музея.

2. Ввести мои произведения в школьную программу в рамках так называемого Регионального компонента.

3. Поставить мне памятник в полный рост на площади около КИЦа - культурноисторического центра.

Скульптор Краснов и архитектор Авторханов изготовили памятник в кратчайшие

И вот стою я, гранитный, на постаменте из Саянского мрамора, устремив свой взор на Енисейские просторы и Саянские горы. Стою, а боковым зрением наблюдаю, как в КИЦе мероприятия всякие проводятся.

Дело в том, что душа моя после предания тела земле, полетав в небесах, совсем не случайно переселилась в памятник, а точнее в компьютерное устройство, так называемый искусственный интеллект, разработанный моим давним другом, академиком Мешалки-

Да, создал он, как говорили марксисты, материальную базу для идеальной надстройки, - и душа моя возрадовалась.

И теперь, по ночам, когда никого нет на площади, пытаюсь я шевелить руками и ногами, и у меня получается!

Скоро ходить начиу...

Десять лет пролетели с моей кончины, как десять мгновений. А я - вот он, живее всех живых. Школьники изучают жизнь мою и произведения на уроках литературы. Туристы в моём деревенском домике слушают экскурсовода, как я работал в нём после войны над созданием нетленных повестей и рассказов и как жена моя, великая труженица, по восемь раз каждую страничку на пишущей машинке перепечатывала, разбирая мой ужасный по-

А я стою над площадью, смотрю на широченный телевизионный экран, где идёт передача о перспективах клонирования великих людей из любой биологической клетки их организма, и думаю: неужели придёт время и я воскресну во плоти, как ни в чём не бывало?

Лумаю таким образом и наблюдаю, как к банкетному залу КИЦа шикарные машины подъезжают. Как дверцы «Мерседеса» распахиваются - и выходит из него жена моя, вдова то есть, в замечательном платье цвета морской волны, с блёстками из горного хрусталя и в коляску садится. А красивые люди, випперсоны с пышными букетами цветов в руках, следуют за коляской по коридору, увешанному разноцветными гирляндами воздушных шаров - вперёд, к накрытым изысканными яствами столикам и эстраде, чтобы отметить её 90-летний юбилей. А вокруг - фотокорреспонденты и телевизионщики снимают, снимают, переводя объективы то на шествие, то на меня, на памятник то есть...

И ведущая торжества в микрофон поздравляет Елену Петровну Сибирякову, мою верную помощницу и спутницу сначала по фронтовым, а потом и по мирным житейским и писательским дорогам, - со славным юби-

Трудно, ох, как трудно быть женой такого великого писателя, как я, и нести бремя славы, да ничего не поделаешь, приходится быть и сильной, и выносливой.

Вот и сегодня три часа без перерыва слушала она, как наши многочисленные друзья и поклонники хвалят то её, то меня наперебой, подарки преподносят, цветы, картины,

Хвалят, тосты провозглашают, выпиваи снова хвалят.

И мне это всё хорошо слышно и видно по прямой трансляции на телевизионный экран. Й как певицы очаровательные Тараян и Лепешинская ангельскими голосами, одна по-итальянски, другая по-французски арии из опер в честь моей Елены исполняют... И как вице-мэр обещает Мемориальную доску на доме, где мы сорок лет душа в душу прожили, установить.

Сделаем так, чтобы вышла наша уважаемая Елена Петровна во двор вечерком, присела бы на скамеечку, напротив мемориальной доски с изображением лица её великого мужа, и побеседовала бы с ним мысленно. припоминая всё то, что было хорошего. А хорошего... Много хорошего было, до ста лет вспоминать хватит! Это её желание, а желание юбиляра для нас закон.

Выступают таким образом гости на бан-

А издатель Прохоренко обещает переиздать все пятнадцать томов моего собрания сочинений и девять книг, которые написала жена моя, в лучшем виде.

Пусть новое поколение читателей, восклицает он, - знает, как их отцы и матери, дедушки и бабушки боролись и побеждали во имя лучшей жизни на земле, чтобы нынешние молодые люди чувствовали себя счастливыми!

Заканчивает официальную часть речи, подсаживается за столик к моей Елене и предлагает кругленькую сумму за то, чтобы она уступила ему свои и мои авторские права.

- Ах, Елена Петровна! Вы так хорошо выглядите, что я ни за что не дал бы вам девяносто!

А я бы и не взяла! - шутит вдова моя и улыбается льстивому, но приятному комплименту.

А издатель, захмелевший от коньяка «Арарат» и радужных перспектив, продолжа-

О, если бы вы знали, как я люблю ваше творчество! Какое я испытываю наслаждение, перечитывая ваши произведения! Да будь ваша воля, я бы хоть сейчас женился на вас - и на руках носил!

Надеюсь, любовь ваша чисто платоническая? - кокетничает Елена.

Конечно! Платоническая! Платон мне друг, но истина дороже! Чисто духовная, душевная... И вы должны вдохновиться моей любовью и написать нечто необыкновенное А я должен это издать!

Тут уж я не выдержал. Пошевелил каменными руками и ногами, сошёл с мраморного пьедестала и направился в банкетный

И замерла праздничная праздная публика в изумлении, глядя, как я иду к банкетным столикам мимо оторопевших охранников...

Иду и то разноцветные воздушные шары, то гирлянды сжимаю между ладонями -только выстрелы и взрывы, как на фронте, справа и слева раздаются.. И подошёл я к издателю, и протянул

свою каменную десницу, и крепко стиснул длань его правой руки со словами:

- Благословляю! Желаю удачи! Будьте счастливы!

Покраснел издатель Прохоренко:

- Да я пошутил! Да я.

А потом побелел, посинел, позеленел и, видя, что я всё крепче держу его, опустился перед женой моей, Еленой Прекрасной, как я величал её когда-то, и передо мною на колени и прошептал:

Помилуйте, ради Бога!

Николай ЕРЁМИН

Сергей АРИНЧИН

Кандидат технических наук. Первые публикации в альманахе «Енисей», публиковался в красноярских газетах и журналах. Автор трёх книг: «За яблочным вином» (1992), «Джеликтукон» (1998), «Возвращение на Джеликтукон» (2003). Один из авторов поэтических сборников «Весенние ручьи» (2003), «Поэзия на Енисее — 2006, 2007, 2008,2009». Участник Всесоюзного совещания молодых литераторов. Автор-исполнитель собственных песен. Член Союза российских писателей.

Зеркало

О юность, я пишу тебе, Незнанью твоему. Ты, не познавшая предел Ни вере, ни уму, Живи, люби, не понимай, И каждый шаг — он твой! Итак, сегодня снова май, И я пришёл домой.

Какую радостную весть Мне опыт мой принёс? Вель двалиать шесть Есть двадцать шесть -Ни торжества, ни слёз.

Четыре осени подряд Стремилось небо ввысь, И разноцветный свой наряд Легко меняла жизнь... Теперь я вижу в зеркалах Усталый облик свой -Морщинки горечи и зла Оставлены судьбой.

Обиды нет, и боли нет, Нет пустоты гнуснее. Я вижу собственный портрет, Как с Дориана Грея.

Я подношу свой мир к стеклу: Чьё это отраженье? С гримасой вышколенных слуг, Чья ложь так сходна с рвеньем. Не верю, врёшь, я не такой! Закрыв лицо руками, Я отхожу, а за спиной Я оставляю память

Стансы

Ах, да, да, да,

не тоже этим опечален: Что дней пустых белиберда, Плывём — и некуда причалить.

Что так доверчиво хотим От жизни трогательных истин. Что дворники сметают листья В том мире, где теперь гостим.

Что ярких радостей соблазн И утешения в обиде Даны нам были столько раз, Но ничего нельзя предвидеть.

Ах, нет, нет, нет, нет, нет, нет,

Не будем обольщаться блеском, Как кружевные арабески -Созвучия прошедших лет.

В ладонях солнца не укрыть И сожалеть не стоит, право: Пока не оборвалась нить, Мы тянем по глотку отраву.

Полузабытые мечты -Как пережитые болезни. Но суждено нам снова грезить Злым искушеньем простоты.

г. Жрасноярск_

Максим ЦАРИКОВ

Родился 12 июня 1970 года в Красноярске. Жил во многих регионах бывшего СССР. В последнее время в Красноярске публиковался в журнале «Городской формат», газете «Красноярский рабочий», целом ряде альманахов, печатал стихи, прозу, публицистику. В 2004 году выпустил в свет книгу избранных стихотворений «Колыбельная человечества».

Я стар, я устал, я от стада отстал — От стада, идущего вместе... Идущие — бодро чеканят металл И делают крылья из жести.

И верят — те крылья до звёзд донесут, Разбросанных Богом по небу. Ещё они верят, что Правда и Суд Придуманы им на потребу.

Ещё они верят в символику, флаг, В дремучие верят поверья. А сменится курс или вождь, или враг, То жесть поменяют на перья.

Наверх поднимаясь и веря в своё, Бронируя лбы и колени, Наступят на душу и плюнут в неё, А прах — замуруют в ступени.

Они молоды, оптимизма полны, Умны от рожденья до гроба. Они побеждают, не зная вины... ...Я прячусь от них, глядя в оба.

Я стар, я отстал, я безмерно устал. Что мне оптимистов мечтанья? И, чтобы летать, мне не нужен металл, Поверья, мечты, заклинанья...

Все люди сорвались с привычных осей, Приветствуя новую эру... ...А мне бы уснуть, как уснул Моисей, Уйдя в потайную пещеру...

... Где-то за стенкой — грохот корыт, Вновь возле дома помойка горит, На потолке — затопления след, Снизу — свирепствует с дрелью сосед.

...Всё это — жизнь... Но, увы, мы умрём -И новосёлы заполнят наш дом...

ьулет застолье: песни и смех. Тосты за будущее, за успех, Бряцанье вилок, хмельной перепляс... Боже! Но всё это было у нас!

...Впрочем, мы живы. В нас есть ещё свет, Дрель дребезжит, и доволен сосед...

* * *

Когда в душе пленительный покой И наш костёр мерцает во Вселенной, То мы с тобой кружимся над землёй И оседаем белой, снежной пеной...

И этот снег — замёрзшая вода. Зачем всё это нам — не знаем сами. Но мы летим! Неведомо — куда... И нам вдвоём легко под небесами!

...И над землёй в тот час идут снега... И мир наполнен долгой песней вьюжной... И заметает белая пурга Всё то, что нам с тобой уже не нужно.

Эдуард РУСАКОВ

Родился 31 октября 1942 года в Красноярске. В 1966 г. окончил Красноярский медицинский институт по специальности «врач-психиатр», в 1979 г. — заочно Литературный институт им. А. М. Горького.

Член Союза российских писателей. Член русского ПЕН-клуба.

Сука-Москва

Международная литературно-публицистическая газета

В офис Наталья пришла, как обычно, к восьми утра — за час до начала рабочего дня. Заскочила в подсобку, переоделась в фирменный комбинезон, взяла швабру, тряпку, пластмассовое ведро с тёплой водой, в которой была растворена порция шампуня. За пять минут навела порядок в вестибюле, потом занялась комнатами первого этажа. Фирма занимала всего два нижних этажа двадцатиэтажной высотки, так что Наталья обычно успевала за сорок минут, до прихода клерков.

Но в это утро Потапыч (так в фирме шутливо звали босса) явился намного раньше, в начале девятого, когда Наталья ещё не управилась с первым этажом. Как всегда подтянутый, энергичный, бодрый, загорелый, босс выглядел куда моложе своих пятидесяти. Что ж вы хотите, хорошее питание, пробежки

 Привет, Наташа, — окликнул он её (а тут все обращались к ней просто по имени, хотя было Наталье уже сорок пять и в прошлой жизни она была доцентом педуниверситета, но об этом молчок). — Я ведь из-за тебя так рано пришёл, чтоб нам никто не мог помешать.

- Вы о чём, Николай Потапыч? Был сигнал насчёт твоего сына..

– У меня нет сына, — почти сразу и почти спокойно ответила побледневшая Наталья (хотя был у неё не только сын, но и дочь была, и муж — там, за границей, в нищем Владимире, но об этом молчок, молчок). — И вы это прекрасно знаете, Николай Потапыч. У вас же моё досье имеется.

– Ну, значит, вышла ошибка, — и босс опустил глаза, вздохнул как бы сочувственно, как бы чего-то не договаривая. — Звонили вчера из органов, просили тебе передать, чтобы зашла.

 Да нет же, нет у меня никакого сына! воскликнула она, чуть не плача («Что случилось, господи, что с ним случилось?!»).

— Моё дело — сказать, — и Потапыч снова вздохнул. — На, возьми, — протянул ей листок бумаги с адресом и номером телефона. Прямо сейчас и ступай.

Вы же меня знаете, Николай Потапыч... Я совсем одинокая, нет у меня никого...

Знаю, знаю, Наташа, — и босс поморщился. — Иначе б не взял тебя на работу, и с пропиской бы не помог, и с оформлением московского гражданства... И надеюсь, что ты меня тоже не подведёшь.

– Да что вы! Да я!.. Да я вам так благо-

- Hy, ну, ну, — он отвёл свою чистую руку от её протянувшейся к нему мокрой руки. — Успокойся. Надеюсь, что всё это недоразумение. Разберутся — и отстанут. Они ж даже повестки не стали присылать так просто пригласили, по телефону. Значит, доверяют. Там ведь тоже сидят не звери, а люди...

- Конечно! Сейчас же туда пойду и всё выясню! — с лихорадочной готовностью выкрикнула Наталья.

- Уборку закончишь — и тогда пойдёшь, — поправил её Потапыч и подмигнул: Потом расскажешь — о'кей?

– Ну конечно! Конечно же!

Босс лениво махнул ей рукой — и скрылся в своём кабинете.

Наталья стояла, худая, бледная, с опущенными красными руками, посиневшие губы шевелились, но даже она сама не слышала своих мыслей.

Ах ты, сука... Сука-Москва! Насосалась, как клоп, российской кровушки — и жируешь теперь... А ведь вроде совсем недавно была всеми любимой столицей великой Родины... а теперь... а теперь... Нет, не город и даже не мегаполис — отдельное богатое государство размером с бывшую Московскую область, окружённое враждебной и нищей Россией, корчащейся в судорогах зависти и бессильной злобы... Страну Москву все ненавидят, и все мечтают в неё попасть. Жить в стране Москве — великое, мало кому доступное счастье. Несколько лет назад посчастливилось и Наталье сюда попасть. Вот уж подфартило

так подфартило! Достала фальшивые документы (настоящие — дома, во Владимире, в комоде лежат), из которых следовало, что она одинока и не может притащить за собой в московский рай бедных родственников. Иначе б ей никогда, никогда, никогда не добиться московского гражданства — и добрый Потапыч бы не помог... А теперь она — полноправная гражданка страны Москва, и зарплаты уборщицы ей хватает и на себя, и на всю семью. Ежемесячно она посылает (каждый раз — из разных почтовых отделений) во Владимир денежные переводы — и на эти деньги живут её муж, дочь и сын. Двадцатидвухлетний Вадим второй год мается без работы (это с краснымто дипломом), дочь Алёна учится на третьем курсе, а муж-профессор подрабатывает на почте разносчиком телеграмм... Его зарплаты не хватает даже на то, чтобы уплатить за квартиру и электричество, — вот и спасаются её переводами. Бедные мои, бедные. Дорогие мои, дорогие. Муж мой, профессор мой бестолковый. Доченька моя, девочка, цветочек мой ненаглядный, аленький. Сыночка мой драгоценный, гордый мой, жалкий мой... Что же с тобой приключилось, сынуля?!

Очень странно, — сказал человек в штатском, но с военной выправкой. — Значит, нет у вас сына? Зачем же он нас обманул?

Ну, тот человек, что назвался вашим сыном... Что с вами?

— Ничего... А что?

Да вы так побледнели... Не хотите

Нет, спасибо. Что ж, тем проще. Чужой так чужой. Тем не менее, хочу попросить вас пройти со мной в соседнюю комнату...

Она послушно последовала за ним. В соседней комнате стоял большой прозекторский стол, на котором лежало чье-то тело, прикрытое простыней.

Кто это? - спросила она.

А вы взгляните, взгляните. На всякий случай. Вдруг — опознаете? Может, ваш знакомый... Почему-то же он назвал вас своей матерью перед смертью...

Перед... что?

 Ну да. Разве я вам не сказал, что этот несчастный подорвался на мине при попытке перейти границу?.

Значит, он..

Да — погиб. Полчаса протянул и всё. Только и успел сказать: «Передайте маме...» — и назвал вас по имени и фамилии. А что передать — не сказал. Жаль. Совсем молодой. Ему бы жить да жить. А ведь мы не скрываем, что наши границы заминированы Зачем нарываться-то? Правда же?

Наталья молчала.

Она знала, что там, под простынёй — её сын, ее Вадик. 10, что от него осталось. Человек в штатском откинул край простыни с лица покойного. Лицо почти не пострадало - бледное, с русой бородкой, губы искажены страдальческой гримасой.

 То, что ниже — вам лучше не видеть, - посоветовал человек в штатском.

Она молча кивнула.

Да, это её сын. Её любимый, гордый, строптивый, неудачливый, измученный унизительной бедностью и зависимостью от маминых переводов. Куда ж ты полез, Вадя? На мины полез, на верную смерть... И как мне теперь жить? Что мне делать теперь, скажи? Как мне жить теперь в этой суке-Москве? Нет, уйду, убегу, уеду. И никто ведь не станет препятствовать! Это въехать сюда невозможно, а выехать — ради Бога, всегда пожалуй-

Но она тут же одумалась — и прогнала прочь эти мысли. Ведь она — не одна, на ней семья держится. Муж-то ладно бы, шут с ним. Но ведь надо дочку ещё кормить, да и доучить, а потом и замуж выдать... Без меня она пропадёт в этом вшивом Владимире!

- Нет, я впервые вижу этого человека, повторила Наталья, отводя сухие глаза от мёртвого сына.

Андрей ЛЕОНТЬЕВ

Родился 13 февраля 1961 года в г. Александровске Пермской области. Заместитель главного редактора альманаха «Новый Енисейский литератор». Член Союза писателей России.

Я на мир этот странный

всего лишь пришёл посмотреть, Посмеяться, быть может,

над ним с безрассудством глупца. Но впечатался намертво

в жизнь шутовской мой портрет, На котором нельзя

уловить выраженье лица.

То вовсю хохочу непонятно

над кем и над чем,

То слезами горючими

камень судьбы окроплю, То наморщу чело из-за

хитросплетенья проблем...

А потом оказалось,

что мир этот просто люблю.

А потом оказалось:

увяз в этой жизни по грудь, И реальности чашу

испить мне до дна предстоит. Я на мир этот странный

пришёл на минутку взглянуть — Но на целую жизнь

затянулся мой краткий визит...

MAMA

Ох, мама... смотрю в глаза твои,

В лицо твоё постаревшее... И вся судьба полосатая, И всё за жизнь наболевшее Мне видятся в каждой чёрточке, В морщинках твоих изломанных... Давай-ка открою форточку — Чтоб легче дышалось в доме нам. Давай-ка присядем рядышком, Родная моя, хорошая... И больно в душе, и радостно — Как будто вернулся в прошлое. Здесь время застыло намертво — Всё в доме твоём по-прежнему. Я сладкой завесой памяти Укроюсь от неизбежного... А ты говори, рассказывай — Я слушаю, мама, слушаю... Салфетка под старой вазою, Диванчик с накидкой плюшевой... Портреты: вот я, вот братец мой, Отец — словно жив и с нами он. И неторопливо катится Слеза по щеке по маминой. Ну что ты? Приляг, пожалуйста,— Подскочит опять давление... Нет, время, увы, безжалостно — Мы все в этом смысле пленники. Бежим в суете немыслимой, О вечном не помня смолоду... За окнами темень вышвела — Рассвет поднимает голову. От дождика моросящего Уже различимы лужицы. ...Над мамой моею спящею Невидимый ангел кружится...

Ноябрь 2010 г.

Вячеслав ЛЕЙКИН

Родился в 1937 в Ленинграде. С 1945 живу в Царском Селе, чему счастлив постоянно и неутомительно. Довольно долго был молод, но годам к сорока пяти прошло. Лет с двадцати пишу стихи, немного прозу, в частности, киносценарии. Вышло несколько малоформатных и малотиражных книг. Последняя – «Герой эпизода» – в 2005 году. Вот вроде бы

БЛЮ3

Послушай, брат, как молчит река, Как весело спит природа, Как еле слышно молчит река И тешится сном природа... Ты скажешь: «Прибыль невелика В забавах такого рода».

А ты вспомни, брат, как темнеет речь И кровь остывает в жилах. Вспомни, как деревенеет речь И кровь плесневеет в жилах, Когда ты пытаешься пренебречь Тем, что понять не в силах.

В руках у тебя многолистый том, Прочтёшь — и мороз по коже. Грамм на шестьсот поэтический том С названьем «Мороз по коже», Но этот том совсем не о том, Хотя иногда похоже.

Конечно, маэстро сыщет нюанс Такой, что комок в гортани. Он может такой завернуть нюанс, Что дух поперёк гортани, Но где он найдёт единственный шанс Для лодки с худыми бортами?..

Осень прошлась по листве городка, Всюду печаль и жалость. В уже порыжелых садах городка Печаль добивает жалость. И всё-таки жизнь не так коротка, Как нам до сих пор казалось.

Тимофей ЖИВОТОВСКИЙ

Предки происходят со среднего течения Оки, переселились на Гаую около V в. Родился 1 ноября 1967 года. Пишу стихи с 1973-го. По образованию искусствовед. Исключительно скромен.

ИСХОД

Падает небо в туманы сквозящих морей. Белого снега на крыльях небесных царей Тают сугробы; ложится на прорези бед Раной багровой -

заката бубновый валет; Духов бездомных затерян

клубящийся миг Средь многотомных гранитных и мраморных книг,

К пальцам открытий на ручках миров и дверей

Тянутся тусклые нити ее фонарей.

В синие карты оклеен загаженный свод, Снизу закат — от него отразился восход, Влажные пальцы хватают остаток строки, В плащ мой скребутся

костлявой рукой сквозняки, В ямки столетий зелёный впечатали след

Бледные блудные дети фальшивых монет. Стаи миров выпускает на Запад Восток, В урнах голов

черепа неродившихся строк.

Сперва был поэтический кружок при детской газете «Ленинские искры». Я руководил им с 1972 по 1991 год. Фрагменты некоторых занятий запечатлены в документальном фильме «Свои, совсем особые стихи» (1984). Позднее я написал книгу «Каждый четверг в четыреста сорок восьмой» (2000) – о структуре и содержании занятий; о творчестве юных поэтов. Некоторые из кружковцев, став профессиональными литераторами, продолжали встречаться на частных квартирах, в клубах и редакциях, собирались даже в бывшей женской ванной комнате Дома Набоковых (теперь там редакция газеты «Невское время»). А лет 6-7 назад сформировавшемуся, вполне взрослому и достаточно профессиональному литературному объединению предложили собираться (как всегда, по четвергам), при одном из центров Петербургского Союза писателей. Там они до сих пор и существуют и, в некотором смысле, даже процветают. В 2008 году вышел коллективный сборник двадцати трех участников ЛИТО.

Вячеслав ЛЕЙКИН

В пастбища млечные

скачут сквозь космы травы Медные вечные всадники без головы; Старое меркнет,

желтеет листва - и листы, Новые клерки гуляют по рощам пустым, Новое завтра – и новый закат впереди... Брошены карты.

Распахнута дверь. Уходи.

Михаил АЛЕКСАНДР

Родился в 1983 году в Ленинграде. По случайности - математик. В ЛИТО В.А. Лейкина попал в 2002 году. С тех пор не могу представить себе жизнь без моих «солитовцев». Публиковался, выступал, вступал, участвовал, награждался. Издал две книги стихов: «Геометрия крыла» (2004), «Перед ночлегом» (2006) - и понял, что остановиться будет не так-то просто. С 2006 года – член Союза писателей Санкт-Петербурга.

3AKAT

Озираясь назад, созерцая этот разлад, этот мрачный закат

над крышами цвета меди, я не стану кричать, кивая на циферблат, мол, назад, назад, пустите меня назад, это он один во всём виноват, мол, давай уедем,

мол, отправимся прочь, в Тибет, в монастырь, в дуду выдувая несложный мотив

о нашем бессилье, не умея припасть к земле,

к алтарю, к труду, снова станем искать,

как рыбку, как ключ в пруду, грохоча, урча, ворча, вороча руду, тот единственный шанс,

который мы упустили.

Я скажу, наблюдая квартал за кривым мостом, за рекой, навсегда утвердившей своё господство в этой плоской долине.

я просто скажу о том, что нельзя ничего откладывать

на потом: говори о любви и скота

называй скотом, как увидишь любовь

и в скоте опознаешь скотство, и пускай ошибёшься,

но это лучше стократ, чем однажды вечером

в пляске лучей и пыли всё бродить в обнимку

по крышам, следить закат, удивляться, как медь нагрета

и цинк покат. а внизу непонятно, куда летят и летят, как закат, одинокие,

пустые автомобили.

Людмила ПАВЛОВА

Родилась в 1969 году в городе Пушкине. В настоящее время живу в Петербурге, преподаю французский язык в РГПУ им. А.И. Герцена. Победитель конкурса «Заблудившийся трамвай» (2004). Подборки стихотворений публиковались в журналах «Всемирное слово», «Нева», «Крещатик», в книге из серии «Автограф». Автор книги стихов «Сумерки февраля». Член Союза писателей Санкт-Петербурга

Вера в подлинность мира наука вживания в роль, Адаптация к данному веку, подмосткам, коллегам, Декорациям; к мысли, что жизнь не бывает игрой И обрывки бумаги на деле являются снегом,

Ибо мера таланта искусство скрывать ремесло, Создавая иллюзию жизни,

известная школа, Где прыжки и ужимки фантазии в стиле Дидло -Называют полётом,

послушным веленью Эола,

Где однажды, поняв, что актриса подносит ко рту, Задыхаясь от кашля,

платок со следами краплака, Верный зритель, окуклившись,

слепо глядит в темноту, Словно что-то утратил,

подобие смерти оплакав.

Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ

Родился в 1972-м, проживаю в Петербурге. Закончил филфак РГПУ им. Герцена, восемь лет трудился в школе, впоследствии работал где угодно абы кем. В 1995-1998 гг. посещал ЛИТО Нонны Слепаковой, с 1998-го - ЛИТО В.А. Лейкина. Неоднократно публиковался. Выпустил сборник «День города».

Когда опрокинется время И будет звучать бесперечь Гранита, песчаника, кремня Глухая, шершавая речь,

К началу себя продвигая, Сквозь пласт наслоений и плит, Я вспомню: старуха нагая В окне диспансера стоит.

Мне стыдно, мне страшно, мне тошно, Но, прячась за клетки пальто, Гляжу с отвращеньем на то, что Не должен был видеть никто.

Не воспринимая деталей, Я вижу на все времена -Как будто из камня и стали, Старуха стоит у окна.

Глодай, офигевший Трезор, кость, Но после будь проклят и клят: Тебе отомстится за зоркость И слишком уверенный взгляд.

За то, что пытался нахрапом Понять и пронять естество, За то, что бумагу с накрапом Ты ставил превыше всего,

За то, что за рифмами лазал, Запасшись фальшивым ключом, Ты будешь не то что наказан, А, лучше сказать, обречён

Под вой сатанинского клира На каждом отрезке пути Смотреть на исподнее мира И взгляда не сметь отвести.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

Родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский Государственный медицинский университет им. И.П. Павлова, работаю врачом-травматологом-ортопедом. Член Союза писателей России с 2002 г. Автор четырёх стихотворных сборников («Бубенцы», 1998; «Жизни неотбеленная нить», 2001; «Геометрия свободы», 2004; «Сопротивление», 2007). Переводилась на польский, болгарский, японский и английский языки. Перевожу с польского (без подстрочника) и сербского (с подстрочником) языков. Лауреат конкурса «Пушкинская лира», «Нью-Йорк, 2001», премии им. А.А. Ахматовой, 2005, конкурса им. Н. Гумилёва, 2005.

«...и Цинциннат пошёл среди пыли и падающих вещей... направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему». В. Набоков. Приглашение на казнь

Как ты нелеп в своём мученическом венце! Нужно было тренировать почаще Общее выражение на лице, Притворяться призрачным,

Шаг с тропы – и проваливается нога, Чья-то плоская шутка — мороз по коже. Каждое утро — вылазка в стан врага. Вечером жив – и слава тебе, Боже!

ненастоящим.

Осторожнее! Ведь и сейчас, может быть, Жестом, взглядом ты

выдаёшь невольно То, что ты действительно

можешь люби То, что тебе в самом деле бывает больно.

Вещи твои перетряхивают, спеша. Что тебе нужно? Ботинки,

штаны, рубаха. Это вот спрячь подальше - это душа, Даже когда она сжата

в комок от страха.

Над головами — жирно плывущий звук: Благороднейшие господа и дамы! Спонсор казни –

салон ритуальных услуг! Эксклюзивное право

размещенья рекламы!

И неизвестно, в самый последний миг Сгинут ли эта площадь,

вывеска чайной, Плаха, топор, толпы

истеричный вскрик -Весь балаган, куда ты попал случайно.

r.Cankm-Ttemepoypr_

Вадим ПУГАЧ

Родился в 1963 году в Ленинграде. Последние двадцать лет работаю учителем литературы в школах Петербурга. В 1990 г. в Омском ТЮЗе была поставлена пьеса «Комедия о докторе Фаусте». В 1995–1999 гг. тиражами 100–150 экземпляров вышли книжечки стихов. Подборки и отдельные стихотворения публиковались в антологиях, альманахах и журналах Петербурга, Москвы, Красноярска, а также в Германии, Франции, США, Эстонии. Что-то можно найти в интернет-изданиях Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Я пребывал в задумчивости тихой И с недопитой рюмкою в руке Пытался заговаривать с крольчихой На общем для обоих языке

О том, что мы сегодня хоронили Товарища, но это не беда, О том, что гроб едва не уронили, Табличку навинтили не туда;

Священник не тянул на златоуста, Невнятно мямлил, будто всё равно, Напоминая чем-то «пусто-пусто»— Костяшку из набора домино.

На тёплой кухне мы не пали духом, Веселье шло за нами по пятам, И я, крольчиху почесав за ухом, Всё говорил о том, что было там, —

Там было сыро, холодно, осклизло, Но в норме, как на кладбище. А здесь Крольчиха кость куриную разгрызла — И дрогнул мир, и накренился весь.

И так всегда: воспринимая знаки, Мы осознать иное норовим; Так Ходасевич доверял макаке, Так Пушкина морочил Серафим;

И то-то озаренье подрезает, Как киллер при кинжале и плаще, Когда крольчиха с костью потрясает, А смерть не замечаешь вообще.

Вячеслав ХОВАНОВ

Родился в 1968-м году на Васильевском острове и умирать, скорее всего, отправлюсь туда же. Изучив стараниями Политеха и собственными несколько языков программирования, пришёл к выводу, что русский сложнее. Поэтому зарабатываю посредством клавиш и мышек, а трачу на перья и бумагу. Если бы не В.А. Лейкин – бумага была бы испорчена зря. Немного, но всяко публиковался. Такоже исполнял обязанности самопровозглашённого «заглавного редактора» интернет-альманаха «Присутствие». Сейчас проект на консервации...

РОЖДЕСТВО

Мы любим спать во сне. Мы наблюдаем, Как зрелый снег лежит, не подметаем, Как он летает, словно сон во сне, И на окне, молочном от мороза, Не Дед, но Санта, тучный и тверёзый, Рисует что-то дужкой от пенсне.

Мы спим во сне. А в дальнем Вифлееме Взошла звезда, и правильное время Отсчитывают новые часы — На стенке, на запястье, в изголовье, Под гравировкой «от родных с любовью»

И в мине у нейтральной полосы.

Я сплю во сне, и мне всё чаще снится, Как турбореактивная синица Испепеляет журавлиный клин. Я просыпаюсь с криком, но снаружи — Всё тот же сон. Вполне могло быть хуже. Об этом, впрочем,

пел какой-то «Сплин».

Не спи, ковбой.

Рождественские грёзы — Опасны. От морозного наркоза Так просто не проснуться никогда. Но тикают часы, звезда мерцает, А за окном —

лишь скорбный смех творца и До хруста затвердевшая вода...

Борис ЧЕЧЕЛЬНИЦКИЙ

Маяковский написал: «Я – поэт, этим и интересен». Я – не Маяковский, поэтому не интересен ни этим, ни тем, разве что узкому кругу особо приближённых особ обоего пола, к которым питаю самые нежные чувства. В свободное от питания (насущного) время всячески пропагандирую В.И.Ч., т.е. Вирус Изощрённой Чепухи, безвредный и абсолютно не заразный. А на службе...

Есть на службе у нас «Целероны», Много драйверов и утилит, Но хоть в щепки разбейся, короны Не напилишь из стружечных плит.

Я похож... На кого я похож В громкой связи с бессвязностью громкой? На столовый зазубренный нож, Правду режущий ржавою кромкой.

Лягушонка ко мне в коробок Не запрыгнет на «крибли и крабли». Кто я — глупый носитель сапог, Генетически чующих грабли?

Руководствуясь опытом лет, Как себя ни секу, ни бичую, И подошвой своих сандалет, И босою ступнёю их чую.

Зуб точу для беззубых атак, А, наехав, дрожу от наезда. Бью челом не кому-то, а так, Чтобы шрам украшал это место.

Я пуд соли могу разделить. Съем не больше, чем влезет в солонку. Научиться б соломку стелить. Не курить же мне эту соломку.

Татьяна МНЕВА

Мнёва Татьяна Ильинична. Родилась в Ленинграде 14 января 1958 года. В 1980 году закончила Ленинградский финансово-экономический институт по специальности «экономическая кибернетика». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Участник ЛИТО Вячеслава Абрамовича Лейкина в ЛИИЖТе, 1975—1980 гг.

Тёмная-тёмная ночь, холодная ночь, чего не потрогать рукой, того не понять, то же и воспоминанья, их изменить — раз плюнуть, а вот же попробуй постичь, что означал этот шелест, движенье, молчанье травы,

что и сейчас означает. Тёмная-тёмная ночь, пустынная ночь, гады морские, и те недостижимы

в глубинах,

непостижимо умом то,

что не тронуть рукой, тем мы и живы, увы, тем мы,

увы, и бессмертны.

Воздух, которым дышим, меняет запах и вкус, холодом веет в гортань, в альвеолы, в сердце, холодеют слова и взгляды. Мелеет река-океан, по которой плывём, вот и сбрасываем потихоньку груз, меньше осадка, авось приплывём куда-нибудь, куда, казалось, что надо.

Маленький бледный февраль, подпрыгивая и злясь, убежал на запад — и дальше — куда там ему предназначено. Имена и числа большую над нами имеют власть:

над нами имеют власть: календарь, зажав в зубах карандаш, редактирует задним числом то, что прожито бегло и начерно.

Нина САВУШКИНА

талась что-то рифмовать. Однажды, когда мне было лет 10, с подачи мамы отправила стихи в газету «Ленинские искры», откуда

получила благосклонный отзыв за подпи-

сью литконсультанта В. Лейкина, и с тех

пор надолго прописалась в возглавляемом им ЛИТО. Там и обитаю до сих пор, за ис-

ключением «творческого перерыва» лет на 12, когда мне казалось, что со стихами покончено раз и навсегда. Тем не менее, тяга к

графомании одержала верх, и за последние

годы я успела много где отметиться – в част-

ности, в журналах «Нева», «Поскриптум»,

«Чердак», «Царское Село», в интернетжурнале «Поэзия XX века», а также в альманахах. В 2005 году неожиданно для самой себя стала лауреатом конкурса имени Гумилева «Заблудившийся трамвай».

Всю жизнь, сколько себя помню, пы-

Лень было переспрашивать, откликаться. И, ощутив потребность уединиться, позже ты сбился с курса, лишился галса и пробудился в сквере, в тени акаций — там, где на веках солнечный луч топтался суетно и навязчиво, как синица...

Улица, двор, подъезд, жена в коридоре. Что-то в лице у ней хлюпает, как в болоте. Ты — её приз, обретённый

под старость странник, вечный Улисс, выныривающий из моря. Вот поцелует чёрствую, словно пряник, щёку, и свет погасит. И вы уснёте.

Всеволод ЗЕЛЬЧЕНКО

Родился в 1972 г. в Ленинграде. В 1979 г., написав письмо в газету «Ленинские искры», самонадеянно напросился в ЛИТО В.А. Лейкина — где провёл пятнадцать следующих лет жизни и научился всему, что умею. Сборники стихов: «Коллаж» (1991), «Из Африки» (1994), «Войско» (1997). Филолог-классик, переводчик, школьный учитель латыни и греческого.

Переделкино

Напоследях по шпалам, На медленном огне, Шопеном шестопалым Сползая по стене, — Мороз обтянет щёки, И явятся тогда Овраги, Териоки, Пролётная вода.

Кому навзрыд в запруде Подсвистывать клесту, Кому поджать на блюде Колени к животу, Кому по гроб аскеза И чертогон, кому Дорожное железо Обмакивать в сурьму.

Очнёшься в третьем классе, Забудешь о себе — Соломина на платье, Кровинка на губе; Ужо тебе, прилежник, Похмелье во пиру — Как вечности валежник У времени в бору.

Мы были нити в пряже. Я говорю о двух, Сплетённых так, что даже Умел голубить слух Беспошлинный подарок, Соседней крови ток, Пока трещал огарок И двигался уток.

Пора, мой друг! Покоя Унылая пора! Уже одной рукою Не удержать пера, Уже бежит за нами Бог времени седой, Натуралист в панаме, На ветке козодой.

На полпути, с устатка, На широте Читы, Вчерашняя догадка Уродует черты — О чем бишь эта повесть, Где певчих на плоту Река уносит в невесть Какую немоту?

СТРАННИК

Загромыхав ключами в тесной прихожей комнаты на Обводном, что ли, канале, видишь, как на пороге стоит понуро немолодая дама с несвежей кожей — столь испещрённой, будто стрелы Амура целили в сердце, да не туда попали.

Ты ей поведаешь, будто в привычном русле двигался к дому, да завела кривая, и засосало в душный карман подвала. Сорные мысли крошились в мозгу, как мосли.

ты их пытался склеить довольно вяло, в мутный стакан забвение наливая.

Ты был захвачен острым, проникновенным, внутренним диалогом с самим собою — будто с душою тело соединили. Взгляд заметался, словно паук по стенам, по лепесткам заляпанных жиром лилий, что украшали тёмной пивной обои.

Скрипнула табуретка, подсела тётка, — глазки блеснули, словно изюм в батоне, вспыхнула сигарета, включился голос. И от вопроса, заданного нечётко, лопнул мираж, и музыка раскололась и зазвучала глуше и монотонней.

Подборку составил Михаил АЛЕКСАНДР. **Помбрь** 2010 г.

Уезжали че-Молдавию. Один челябинец первым «протоптал» тропинку и пошло-поехало. Земля слухом полнится, а уж еврейское предотъездносарафанное «радио» и того лучше разносило все новации. Уезжавшие, поначалу через Москву, сообщали оставшимся, что путь этот не безопасен. Поток уезжающих был так

велик, что для его «обслуживания» в Москве сложилась целая мафия, занимающаяся вымогательством под разными предлогами. Обслуживающий персонал вокзалов, таможня, грузчики, самые заурядные бандиты старались урвать от «великого переселения» кто что может, и урывали. Ефим был наслышан об этом и, когда прояснилась возможность ехать через Молдавию, ухватился за этот вариант.

Последнее «прости» своей любимой Родины Ефим услышал по дороге к пограничному пункту Лаушаны. Их колонна из трех автобусов, без задержек проезжавшая мимо клометровой очереди частников, уже не одни сутки кантовавшихся тут в томительной очереди к границе, сопровождалась полным ненависти хором: «Жи-и-и-и-ды, ж-и-и-и-и-ды». Ефим, до конца сомневавшийся в сделанном выборе, получил последнее подтверждение его правильности. Он где-то даже благодарен был этим озлобленным людям за то, что укрепили его веру в правильности содеянного.

Лаушаны. Пограничный пункт. Проверка документов и багажа. Если учесть, что багажом было заполнено два огромных «Икаруса», причем, совершенно неподъемными, немыслимых размеров баулами, сумками, саквояжами, то становилось понятно - «удовольствие» продлится долго. Кооператив, осуществлявший перевозку репатриантов, имел в своем составе крепких мужиков, которые, опоясавшись широченными ремнями штангистов, чтоб пупки не развязались, ловко и споро загрузили в Кишиневе весь багаж. Поскольку здесь этих крепких ребят не было, все мужчины, молодые и старые, вынуждены были тягать неподъемный груз, освобождать битком набитые два автобуса, подносить багаж на досмотр, затем загружать всё обратно. Работа эта была сколь тяжёлой, столь и абсолютно идиотской, так как заведомо было ясно, что проверить всё досконально просто нет возможности, эдак можно было бы проторчать там несколько суток. Это понимали все, в том числе и таможенники, с безучастнообреченным видом досматривавшие багаж.

Всё сведено было к чисто формальной проверке и, слава Богу, закончилось, ко всеобщему удовольствию. Ефим облегченно вздохнул, осмотрелся и вспомнил, что в кармане осталась ещё приличная сумма, которую при всём старании они вместе с женой так и не смогли истратить. Уезжали-то в 1991 году, в то время, когда купить было элементарно нечего при всём желании. Недалеко он увидел буфет, в котором купил бутылку воды в дорогу, но сумма от этого приобретения заметно не уменьшилась. Ефим обратил внимание на пробегавшего мимо солдатикапограничника, вспомнил себя служивого и сразу понял, куда деньги девать, отдать погранцу. Окликнул, объяснил суть подарка, но встретил враждебно-подозрительный взгляд, от которого стало Ефиму неловко, а ведь хотел от чистого сердца. Да, не подумал, с кем дело имеет, наверняка, солдатики эти тщательную проверку проходили в компетентных органах и ни на какие «вражеские происки» не поддавались. Легче на душе от этого понимания не стало, да и вопль «жи-и-и-ды» до сих пор Ефим всегда очень переживал любые проявления антисемитизма.

Только пересекли границу, последовала команда старшего, сопровождавшего группу до Бухареста и знавшего все порядки: «Быстренько собрать, кто что может. Колбаска сухая, водка, кофе в банках, кто чем богат». Короче, нужно было собрать подношение для таможенников-румын, звучало необычно, но Ефиму ещё ко многому необычному пришлось привыкать в дороге.

Бухарест. Когда-то, видимо, бывшая шикарной, а ныне обшарпанная, облезлая гостиница с висящими на проводах розетками и выключателями, периодическим отсутствием воды и электороэнергии, с жалкими претензиями на европейский сервис, с цыганистым обслуживающим персоналом, норовящим чего-нибудь стырить. В фойе - какие-то типы с криминальными мордами, легально предлагающие купить у вас золото, драгоценности за доллары. Ещё в России все были наслышаны об этих мошенниках, однако, каждый думал, что с ним -то точно ничего не произойдет и очередной обманутый рыдал или чертыхался, разглядывая однодолларовую бумажку, непостижимым образом превратившуюся прямо в руках из стодолларовой.

Дорога к Иерусалиму

раильтян. Молодые парни и девушки, очень странно одетые, на Руси это называется «изпод пятницы суббота», рубашки нескольких цветов живописно торчали из-под курток цвета «хаки», рваные на коленях, мятые джинсы. Они осуществляли функции по охране репатриантов, помогали в отправке и т.д. Вернее, должны были охранять, однако, ни во что не вмешивались, вели себя довольно индифферентно, с сонным видом слонялись по гостинице и её окрестностям. Ефим, много наслышанный о качествах израильских «секьюрити», искал в их поведении какой-то тайный смысл. Несколько позже, пожив в Израиле, Ефим понял, никакого тайного смысла в их поведении не было и в помине, самая элементарная расхлябанность и пренебрежение своими обязанностями. После нескольких дней жизни в Бухаресте, наконец, последний рывок. После очередной загрузки многотонного багажа, всё так же осуществляемой немногочисленной мужской частью группы, склок и ругани по поводу мест в автобусе, тронулись в аэропорт.

Аэропорт Бухареста или, вернее, про-

цесс отправки оттуда репатриантов в Израиль заслуживает, по идее, отдельного повествования, настолько всё происходившее там было для Ефима дико и необычно, насыщено совершенно невероятными деталями. Началось с того, что Ефим заметил, как проходившие впереди него люди, после проверки их ручной клади на «телевизоре», начинали возиться с замками, молниями, доставать банки с консервами, вино, водку и всё это отдавать таможенникам. У Ефима в руках был кейс, в который он уложил шесть бутылок водки: две «столичных», две «российских» и две «андроповских». Уезжал-то Ефим во времена, когда водку по талонам в магазинах отпускали, дефицитом она страшным была в их краях и валютой. Да и вскоре юбилей у Ефима намечался. Знал, конечно, что в Израиле добра такого навалом, но не бросать же, в конце концов, нажитое. Кроме того, вошли они, как патроны в обойму, будто кто специально под шесть бутылок этот кейс и создал. Когда румын увидел на экране шесть уставленных в ряд пузырьков, на лице его отразилось нечто неописуемое, это ж надо такое, какая удача. Он за долгое общение с россиянами, видимо, усвоил одно слово - «давай». Но не на того нарвался. Не знал, видно, с каким трудом досталась эта водка Ефиму, а то бы не связывался. Ефим, несмотря на настойчивые требования «давай», двинулся дальше, а румын, не встречавший ранее сопротивления да к тому же увидевший на экране очередную бутылку, переключился на неё. Успокоившийся было Ефим через двадцать шагов увидел опять очередь к «телевизору». Как, опять «телевизор», ведь он только что прошел проверку!. Предположения о двойном контроле связанном с безопасностью были совершенно беспочвенны, поскольку люди уже все знали друг друга в лицо и прошли не одну проверку. Что ещё проверять? Но господа румыны, видно, были другого мнения на этот счет. Те, кому тяжело было расстаться со своим добром на первом «телевизоре», «дожимались до кондиции» на втором. Ефим, уже понявший, что к чему, издали наблюдал за происходящим. Румын постарше с усами, как у Тараса Бульбы, видимо, обладатель солидного опыта в деле безболезненного грабежа пссажиров, стоял непосредственно на «отъеме», а двое молодых и ловких с деловитыми мордами шустро утаскивали в каптерку отнятую добычу. За стеклянными её стенами виднелись штабели банок, бутылок, коробок сигарет и прочего товара. Дело было поставлено с размахом и не удивительно, народу -то сколько через их руки проходило. Жена шла впереди и поскольку «криминального» в её сумках ничего не было, проходила, ничего не замечая. Она уже прошла, так сказать, все этапы и, когда обернулась посмотреть, что там с Ефимом, увидела такую картину. Разъяренный Ефим тянул из рук возмущенного румына свой кейс, сопровождая действие отборным российским матом. Румын, чувствуя, что добыча уходит из рук, не менее яростно дергал кейс на себя. Или румын понимал мат, или просто почуял угрозу в этом разъяренном седом мужике, упорно не желавшем расставаться со своим добром, но схватка закончилась в пользу Ефима. Узнав, от ещё не успевшего остыть от схватки мужа, о сути происшедшего, она смотрела на него круглыми глазами. Это её, всегда такой спокойный и уравновешенный, Ефим, и с кем связаться-то осмелился, и какая неожиданная реакция. Отреагируешь тут, когда у тебя водку отымают, самое, можно сказать, дорогое.

После пережитых волнений грабители и их жертвы мирно смотрели телевизор, на сей раз настоящий, где киношные бандиты грабили и стреляли, в перерывах между грабежами предаваясь любовным утехам. Было уже тде-то около трех ночи, рейсы на Тель-Авив осуществлялись только по ночам в целях безопасности, когда началась посадка на самолет, и все с бебехами, колясками с заспан-

ными детьми и немощными стариками вышли на летное поле. Эту картину Ефим не забудет никогда. Дорога к самолету была освещена мощными прожекторами, моросил мелкий промозглый дождь, по бокам молча передвигающейся полусонной толпы - автоматчики в блестящих от дождя прорезиненных накидках. Нигде больше ни одного человека. Глубокая ночь и полная тишина, нарушаемая лишь шорохом подошв и редкими сдавленными словами. Многочисленные кадры из фильмов об уничтожении евреев стояли в глазах, и, понимая всю нелепость возникших ассоциаций. Ефим все-таки не мог отделаться от подсознательного чувства страха, так глубоко сидел он в нём. Для полноты картины не хватало только злобных собак и соответствующей моменту

Уже перед трапом самолета, а был это, кстати, ТУ-154 румынских авиалиний, жена заинтересовалась странным обстоятельством отсутствием мест на билетах, а двигались они в конце очереди, но Ефим успокоил её, сказав, что, наверное, всё рассчитано и всем мест хватит, не думает же кто-то, что они полетят стоя 3,5-4 часа. Когда Ефим, наконец, зашел в самолет, то увидел потрясающую картину. Все видимое пространство от пола до потолка до отказа было забито пассажирами и их барахлом. Люди сидели, держа на коленях и рядом с собой коробки с телевизорами, тюки, клетки с собаками и кошками, музыкальные инструменты и черт знает что ещё. О том, чтобы сесть где-то, речь вообще не шла. Невозможно было просто пройти, проходы также были забиты. С Ефимом летела 93 - летняя тёща, и её нужно было посадить в первую очередь. Видя, что экипаж самолета не предпринимает ничего, чтобы как-то упорядочить весь этот бедлам, Ефим двинулся вперед, надеясь, несмотря ни на что, разыскать место для тещи. Но любые его покушения на чьи-то удобства встречались бурей возмущения. Это были не люди, это были существа, забывшие о добре, сострадании, об элементарных правилах приличия. Они сидели и не хотели ничем поступиться. Ефим и не покушался на их места, но если вы заняли кресло телевизором то, может быть, освободите его для старой женщины. Когда отчаявшийся Ефим пробрался к молодой интиллигентного вида женщине, занявшей место рядом с собой огромной виолончелью, та, не ожидая притязаний, первая бросилась в

- Даже и не думайте. Это место куплено специально. У меня дорогой инструмент и я не могу с ним расстаться - о том, что это было наглой ложью, поскольку никто никаких мест не покупал, все было оплачено Еврейским агентством, и говорить нечего. Сидевший неподалеку мужик, любовно обнимавший клетку с собакой, занимавшей сиденье, тоже не хотел с ней расставаться. Ефим был в отчаянии, все его попытки как-то устроить тёщу, разбивались о стену агрессивного безразличия, ссылки на тёщин возраст впечатления не производили. Он не подозревал, что экипаж, поднаторевший в перевозках подобного рода, просто ждал определенного момента. Когда момент наступил, был открыт огромный люк в полу. Экипаж, не произнося ни единого слова, начал хватать, несмотря на вопли и стенания протестующих, все, что мешало нормальному полету. Клетки с собаками, баулы, телевизоры, все летело вниз без особых церемоний, люк мгновенно поглотил кучу барахла, и салон, чудесным образом, освободился. Ефим устроил тещу, жену, сына, несколько успокоился, теперь стоило подумать и о себе. Он мотался по самолету в поисках места и уже было отчаялся его найти, когда стюардесса, не говоря ни слова, начала энергично проталкивать его в первый салон, к кабине. Но и там он не увидел ни одного свободного места. Ефим стоял озадаченный, когда та же стюардесса тычком подтолкнула его к двум оаоулькам. Рядом с ними, оказывается, свободное место, вернее, не совсем свободное. Оно было завалено барахлом под самый потолок, то-то Ефим и не увидел его, это бабульки поснимали с себя многослойные одежды и, конечно, куда ж его девать, сложили рядышком. Замотанные утомительной дорогой и еще более утомительным устройством в самолете бабульки вынуждены были освободить место и взгромоздить на себя всю неподъемную кучу барахла. Так как место было у иллюминатора, Ефиму предстояла нелегкая задача пробраться через бабушек, заваленных барахлом по самые макушки. Ефим растерялся, просить их выйти в проход возможным не представлялось, куда им, шевелить их было опасно. Лезть по- пластунски по их головам, с Ефимовым-то весом , они бы точно до Тель-Авива не дожили . Они смотрели на Ефима с нескрываемым недовольством: - «И откуда ты только на нашу голову взялся. Как хорошо уже, казалось, всё устроилось, так на тебе...»

- Мужик, и долго ты будешь стоять? Чего думаешь? - мужской голос с места. Видно, человек устроился, осмотрелся и нашел, чем заняться

- Дак это, как я туда заберусь-то, бабульки тут, еле дышат? - ответил Ефим. - «Во, ешкин кот, берись руками за полку, подтянись и запрыгивай»- А что, умно. Ефим последовал совету, взялся за багажную полку руками, подтянулся... ни хрена не получается, тяжеловат он, и расстояние между бабками и потолком больно мало.

- Мужик, ну ты, прям, как не родной, стань ногой-то на кресло, подтянись и прыгай, учить тебя, что ли?.

О, это идея! Ефим поднимает ногу и ставит её на поручень рядом с полузадушенной бабушкой, берется за полку...

- Мужчина, что вы делаете, что вы себе позволяете? Там же старый человек. - проявилась сердобольная дама с украинским акцентом, она уже чем-то закусывала и могла уделить внимание происходящему. А что, собственно, он сделал такого плохого? Можно было подумать, что Ефим ногу свою поставил бабушке на голову. Он снял ногу с кресла и стал по новой оценивать ситуацию, ничего умного в голову не приходило, а время шло.

- Ну ты чё, мужик, так до Тель-Авива стоять будешь? Делай, как я тебе говорю и не слушай никого. Они вон сами-то сидят. - Ефим, окрыленный поддержкой, снова берется за полку, ставит ногу на кресло...

- Мужчина, вы бы её ещё себе на голову задрали. Что вы делаете? Это ж ведь самолет, а не подвода - ага, кто-то новенький. Молодка, ярко накрашенная, со сбившейся прической и размазанными в схватке за место губами, решила внести свои «пять копеек». А причем подвода, неужели он так на биндюжника похож, а, может, дама с Одессы, подумал Ефим, но убрал ногу.

«Ставьте ногу и плюйте на...»

Ефим поставил ногу в полной решимости на сей раз осуществить задуманное..

- Ой-ёй-ёй, вейз мир вэй, их олтныт ойс» (ой, боже мой, я не могу, я не выдерживаю) - о господи, что на сей раз? Оказывается, он наступил маленько бабушке на руку и та взвыла на знакомом с детства «мамыс лушн» (мамин язык).

Ефим снял ногу с бабушкиной руки. Нервы его были на пределе.

- Ставьте уже, наконец, свою ногу, вы что издеваетесь над людьми?

Вот - те новости. Только этого не хватало, над кем это он издевается, как раз всё наоборот.

- Не делайте этого ни в коем...
- Ставьте ногу и не слушайте ...
- Не ставьте...
- Ставьте уже, черт вас совсем...
- Ни в коем случае...

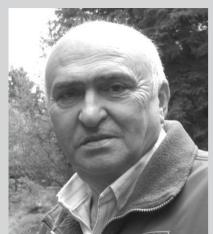
Весь первый салон, устроившись удобно в креслах, постепенно втягивался в разгоравшуюся не на шутку свару. Все с жаром обсуждали ситуцию, давали советы, жестикулировали. Фимин сторонник, средних лет лысоватый мужик, даже встал и, вращая головой на все 360 градусов, отбрехивался от всех. Шум стоял невообразимый. Уже все переругались со всеми. Некоторые, забыв первопричину, выясняли отношения между собой и по другим совершенно поводам. Уже стюардесса, до сих пор молча взиравшая на весь этот гвалт, выдвинулась на передовые позиции с написанной на лице решимостью прекратить, наконец, безобразие, когда Ефим, вдохнув полной грудью, стал на кресло ногой и, подтянувшись руками за полку, одним махом перенес свое грузное тело над даже не успевшими охнуть, бабками. Как пуля в «яблочко», как кинжал в ножны, он впечатался в своё кресло. Салон мигом смолк. В установившейся тишине стал слышен звук прогреваемых двигателей. Раздавшиеся затем дружные, «долго не смолкающие аплодисменты», прерываемые криками «браво». Ефим отнес поначалу на счет своей ловкости молодецкой. Но вскоре понял, просто все устали до чертиков от этой дороги, от всех треволнений, от этой ситуации дурацкой и счастливы были, что, ко всеобщему удовольствию, она разрешилась, и можно было, наконец, откинуться на спинку и прикрыть глаза.

Через час стали разносить еду. К этому моменту все, уже умиротворенные, перезнакомившиеся, подзабывшие неприятности, связанные с посадкой, готовы были, так сказать, к приему пищи. Ефим осмотрелся, его бабульки, еле видные из-под одежды, сладко похрапывали во сне, умаялись, бедняжки. Да, но как же они питаться-то будут, тут не то что столик развернуть - пошевелиться нельзя было, а барахло девать было некуда. Ефим предложил бабушкам вариант: он ест первым, а потом они складывают на него все свое барахло и могут тоже поесть. Так и сделали.

Ефим проснулся от истошного детского вопля. Сзади девчушка лет десяти, прилипшая, как осенняя муха, к стеклу, восторженно орала: «Мама, Израиль!!! Мама, смотри, это Израиль!!!» Заваленный одеждой, которую бабульки забыли с него снять, Ефим угрелся, уснул и проспал тот момент, когда кромешная чернота ночи в иллюминаторе резко сменилась ярко вспыхнувшим морем света. Тель-Авив предстал перед ним во всей красе, освещенный мириадами ночных переливающихся огней. Незабываемое, не сравнимое ни с чем зрелище. Его дорога к Иерусалиму подходила к концу.

Юрий ПОДОЛЬСКИЙ

Марк Тверской

Доктор медицинских наук. С 1974 года живу в Израиле. Автор нескольких книг документальной прозы и сборников юмористических стихотворений. Публикации в периодических изданиях США, Израиля, России, Германии. В 1984 году в США был награжден литературной премией и кубком «Малый Гарик». Победитель ряда поэтических конкурсов в интернете. Руководитель литературной студии «Анахну»- Хайфа.

Член Союза писателей Израиля.

Не по всаднику конь

"От Белой реки мой Пегас без уздечки промчался до Черной трагической речки".

Зиновий Вольшонок

С уздечкой или без уздечки, с мешком для песен или без Пегас из вашего местечка не долетит до Черной речки - не тот размах, не тот замес.

Всадник без головы

"Всех, всех сынов укоротила В гранит одетая Нева, Как будто колдовская сила Или волшебные слова".

Леонид Тучинский

Друг детства моего Майн Рид Сказал: "Попался, Леонид!" И тотчас колдовская сила Из мутной глубины Невы Меня слегка укоротила. И я теперь без головы.

Третий не лишний

«он так меня любил и эдак тоже, но было все равно на так похоже» Ирина Ермакова

И тот меня любил и этот тоже, и так, и эдак, сообща и врозь, но оба были до того негожи, что третьего подыскивать пришлось.

Гремучая смесь

«Кровей во мне: татарин не вполне с добавкой позапрошлой итальянства». *Белла Ахмадулина*

Я не вполне, я из другого царства, из смеси итальянства и татарства, поднявшейся на почве европейства с добавкой вездесущего еврейства.

Дамки и лямки

«Здесь офицер. Он мигом автоматом Поставит мат или покроет матом. Здесь кони ржут. Здесь дамы рвутся в дамки. Здесь умники в цейтноте или в лямке».

Фазиль Искандер

Здесь юных дев спешат

пристроить в дамки И водворяют в сеть семейной лямки. Здесь тех, кто в дамки

«до того», из мести Вколотят в гроб во имя ложной чести. Здесь блеют козы и кудахчут куры. Здесь девы ни гу-гу. Здесь девы дуры. Здесь кто не за,

а против — кроют матом, А споры разрешают автоматом. Здесь умники от страха перед бойней Воды набрали в рот. Оно спокойней.

Немножко по Марку Твену

Новый учебный год наступил. Мои внучатые племянники начали его вместе со своими сверстниками со всего мира.

Вечером звоню по телефону. Расспрашиваю старшего из мальчишек, десятилетнего, у него вместо бывшей учительницы классным руководителем назначен молодой мужчина:

- Как прошёл первый день, понравился ли новый учитель?

- Как может нравиться учитель, – искренне удивлён моему вопросу пятиклассник. - ОН ЖЕ УЧИТ!!!

Дальнейший разговор напрасен...

Младший, шестилетний «Рыжик», первого сентября вступил на свою дорогу к знаниям Наконец-то дождались в гости. Интересуемся, как же прошёл его первый день.

Подбегает ко всем с одним и тем же вопросом на английском языке:

- Как тебя зовут

Отвечаем. Спрашиваем, что да как. Хитро улыбается:

- Денюжку дадите, всё расскажу подробно!

И хохочет, и милые веснушки на любимом лице вместе с ним смеются.

Томы Сойеры и Гекльберри Финны вечны...

С три года

У нас с сестрой три года разницы в возрасте. Она была девочкой румяной, красивой. На улице мальчишки дёргали её за длинную косу, старшая моя сестра терялась, а я отбивала её от них. Дома же она оживала и начинала меня воспитывать, или дразнить, мы ссорились, мири-

лись, опять ссорились, кое-когда и дрались, но сила и ловкость были на стороне сестры, потом вместе играли, в общем-то, всё происходило, как у обычных детей.

У моих внучатых племянников, внуков моей же сестры, разница в четыре года. Оба родились в апреле - старший первого числа, младший двадцатого. На каждый день рождения подарков мы приносим по два.

Младший юркий, подвижный, гибкий и невероятно худючий. Свои права и достоинство отстаивает порой в неравных боях. Но не задирист.

Старший - мечтатель, любитель компьютера и всевозможных игр. Иной раз, устав от ничего неделанья, вспоминает о младшем брате. И начинается свара: улюлюкает, чтобы подразнить братишку, а тот, разъяренный, идёт на него в атаку. Крики, шум, разборки, растаскивание по углам.

Недавно, сидя за столом и едва двигая челюстями, плохой едок, младший из сорванцов

цил. - Он меня с три года обижает - дразнится.

А потом помолчал, подумал и изрёк:

- А вообще – он красивее...

Если не всё, то многое повторяется, сейчас он, а когда-то я считала сестру красивее себя...

О знаниях

Шестилетнего Натана,(в этом году он первоклассник, в садике получил характеристику для школы: «Наилучший») спросили, сколько языков он знает.

Мальчишка начал перечислять:

- Знаю русский, иврит, английский*

Понимаю собачий, кошачий, овечий...

А вот с лошадиным знаком плохо... *Пока что сводится знание английского примерно к этому: «хочу есть, хочу пить».

О детках вновь и вновь...

Племянница приучает своего рыжеволосого сорванца, шестилетнего сынишку,к самостоятельному купанию под душем. В ванную комнату не заходит, но издали задаёт существенные вопросы: намылился ли малыш достаточно, не горячая ли вода...

осы: намылился ли малыш достаточно, не горячая ли вода... Купание затянулось. Надо бы прекращать. Мать через дверь спрашивает:

-Сынок, ты голову уже вымыл?

- Да, голову помыл очень хорошо, осталось лишь волосы вымыть...

Обновка

В детстве мы часто носим, вернее, донашиваем одежду родных, двоюродных, троюродных братьев и сестёр или прочих родственников.

Дети быстро растут, вещам за ними не угнаться. Выбрасывать жаль почти новые пальто, свитера, но особенно - обувь. Я не любительница таких «подарков». Но кто меня в детстве спрашивал и учитывал моё мнение?! Впрочем, это маленькое повествование не обо мне.

Моему девятилетнему внучатому племяннику достались от обожаемого им двоюродного брата кроссовки: нарядные и, как сейчас говорят, фирменные. Обувка-то была красивой, да размер ещё не подходил. И потому до поры до времени отправлена она была в шкаф.

Позавчера нужные времена и наступили. Мой любимчик, черноволосый четвероклассник с шоколадными глазами доброго медвежонка, отправился в школу именно в этих кроссовках. С ранцем на спине, с довольной улыбкой на лице, с красивой обувью на ногах, утром он выглядел счастливцем!

Каково же было удивление родственников, когда днём на пороге квартиры появился мальчишка, едва передвигавший ногами. Его новые кроссовки были обвязаны... белыми тряпками, найденными на улице. Отвалилась подошва...

найденными на улице. Отвалилась подошва... Без смеха на это нельзя бы смотреть, но все стойко, чтобы ещё больше не смутить ребён-

ка, держались... Вот такая обновка! Вера ЗАЙДЕЛЬ

МОРАЛИЗМЫ (о сказочках)

*Прикидывался дурачком и жил, как в сказке.

*А ведь по сути и баба Яга - сказочная женщина.

- *Лёжа на печи ни образовательный, ни жизненный уровень не повысишь.
- *Уважение к дуракам прививается нам с детства народными сказками.
- *Одна из самых фантастических сказок всеобщая справедливость.
- *Сказочен тот мир, где нас не только нет, но и быть не может.
- *Всаднику без головы уготована не «голова в кустах», а «грудь в крестах».
- *И баба Яга обладала когда-то очарованием молодости и стройной ножкой на месте костяной ноги.
- *Самый экономичный и экологически чистый транспорт у бабы Яги.
- *Сказочки про «светлое будущее» остались в прошлом.
- *1001 ночь вешать лапшу на уши нормальному мужику могла только женщина.
- *Не будь наши жены такими доверчивыми, не верили бы нашим сказочкам.
- *У женщины две фигуры реальная и сказочная, о которой лишь мечтается.
- *Если обнаружен сосед в шкафу, зачем сочинять сказочки, что он заблудился. *Свободу слова иные политики понимают, как право рассказывать людям сказочки.
- *Лозунг «Не в деньгах счастье!» сказочки не в пользу бедных.
- *Хорошо смеется тот, кто понял, где в сказке был намёк.
- *И «лапша на уши» относится к категории сказочек.

Лев Бондаревский

Стихи из кармана

ЭХО СМЕХА РАЗДАЁТСЯ.
-Это кто же там смеётся, будто наняли?
Не над нами ли?

ПИРУЮТ, ПЬЮТ ВАМПИРЫ Кровь, и просто яд. У дверей квартиры Доноры стоят.

-ГОСПОДА ХОРОШИЕ! Объясните внятною Ложью, нам несложною, Правду — непонятную!

ВОТ, ЗНАКОМЬТЕСЬ: ФИЛОСОФ. Для него нет вопросов. Его метод при нём:
-К Истине - с кистенём!

-СОХРАНИМ ЕГО , Статус « кто- кого»!

НЕ ЗАГОВОР ЛИ СИЛ ПОТУСТОРОННИХ Вредит у нас труду и обороне ?

НАПУГАННЫЙ ПОГАНОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ, Я к оппозиции примкнул неконструктивной.

ИДУТ НЕДЕЛИ И НЕДЕЛИ При попустительстве властей. Уж телевизор проглядели — Но нет хороших новостей!

ОТЛИВАЕТ ЖЁЛТЫМ ЛОЖЬ — ГДЕ-ТО ЗОЛОТА ДЕЛЁЖ!

К ПРИМЕРУ, Я- ИНТЕЛЛИГЕНТ. Так вышло. Ну и что же? Пусть не торговый я агент, Но жить желаю тоже!

КАЗИНО МЫ ПОВИДАЛИ, Где мелькание купюр И блистали этуали В туалетах «от кутюр».

НА ГАЛСТУКЕ, КОТОРЫЙ ОТ ВЕРСАЧЕ, Приличней дилер выглядит висячий.

БЫТЬ МОЖЕТ, БЫЛИ И ПОГАНЕЙ, Чем эти наши времена, Но мы живём ещё. Пока не На камне наши имена.

Я ФАТАЛИСТ, ОДНАКО МАТОМ Порою крою этот фатум!

ЖИЗНЬ НАБЛЮДАЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК, Отобразил путём стиха. Но если подлинник подленек, Тогда и копия плоха!

ВЕСНА ОЖИДАЕТСЯ. ДАЖЕ Деревья уже в камуфляже.

ЖИЗНЬ УЖАСНО ТРУДОЁМКА. Вроде жили в ус не дуя, А оглянемся — поймём, как Много сделано. Впустую.

ТЯГОСТНЫЕ НАДОБНОСТИ Радостнее надо б нести!

ТЫ СЧАСТЬЯ, КАЖЕТСЯ, ДОСТИГ-Побыть бы возле! Но жизнь ломает каждый миг На ДО и ПОСЛЕ!

-СВЯЖИТЕСЬ С ЖИТЕЛЯМИ АДА, Скажите, жить или не надо?

НАШ СВЕТ НЕ СВЯТ, Со злом не справиться. Не суйся в ад, Не то понравится!

Илья ГЕРЧИКОВ

И ВОТ ПРИХОДИТСЯ РЕШАТЬ: -Дышать иль лучше не мешать?

Дина Лебедева

Мамино последнее письмо...

Передо мною мамино письмо... Неровный почерк, только мысли те же: - Домой ты пишешь, доченька, все реже, почтовый ящик снегом занесло.

Поселок наш засыпало до крыш... Такой зимы давненько не видали! И, если честно, от нее устали, но будет полноводие, глядишь.

Ведь Ладога давно уже не та... Ты помнишь глубину ее у лодок? Жаль, лодки нашей будет век не долог, Не вычерпана с осени вода.

А яблонька плодами изошла... Я насушила яблок, приезжайте... Должна котиться наша кошка в марте. Вон, ластится, мурлычет у стола.

Прости за почерк. Даже не вяжу. Читать — читаю, но глаза ослабли... А может, купишь мне какие капли? Хотя не надо.... После накажу.

Не спится ночью, думаю о вас... Как со здоровьем, все ли там в порядке? Отцу весной покрасить бы оградку... Такой уж мой родительский наказ.

Да не забудь про лук, про семена... Пора на окна выставлять рассаду. Ты обо мне там не грусти, не надо, ты в городе своей семье нужна.

Вся жизнь моя в одном таком письме, В любимых строчках, в чувствах и заботе, Ах, мама, мамочка, зима уж на исходе, И в мыслях возвращаюсь я к тебе.

К родной земле, где помнят обо мне, К березке и к скамейке перед домом... Где с детства все до капельки знакомо, куда вернусь с поклоном по весне...

Осенняя грусть...

Осенняя грусть по бокалам разлита... Мой берег остался на той стороне. И манит к себе, где ничто не забыто, Но горько и больно от памяти мне...

Там старенький дом и цветы у калитки. Крылечко, где часто курил мой отец. Желтеет береза в осенней накидке, И дом сторожит до отлета скворец...

Замок на двери, света нет по окошкам. Не топится печь, не согрета постель... А мне бы туда - на чуток, на немножко! Чтоб дом оживить

мыны скрипом старых петель.

Чтоб мама моя

на рассвете приснилась. Присела, вздыхая, ко мне у стола.... «Ну как ты там, дочка?»

- жалея, спросила. Чтоб дни те вернуть, я бы все отдала....

Осенняя грусть,

и под стать ей морщинки. Разводами дождь на оконном стекле... На том берегу - две родные могилки. От осени листья... венком на земле...

Осенняя грусть по бокалам разлита...

На кончике сигареты. Обычная история...

Щи пахли кислой тряпкой. Вовка повозил в них ложкой, попробовал на вкус, сморщился и отложил в сторону. «Чё нос-то воротишь? - набросилась мать. - Чай, не в городе, к Магдональсам не приучены ». И зашмыгала, и зашмыгала обиженно носом. Загремели кастрюли на печурке, упала на пол кочерга. Мать продолжала: «Дал же Бог людям детей... Вон, намедни, к Митрохиным Колька с Маньшей с городу приезжали. А к Самойловым....»

Дослушивать Вовка не стал. Тяжело поднялся из-за стола, привычно наклонил голову, чтобы не стукнуться о притолок, и вышел в сени. Зачерпнул ковшиком воды колодезной из ведра, выпил почти половину залпом. От холода заломило зубы, но кислый вкус щей во рту все же пропал. Уже на крыльце закурил сигарету, прикрывая ладонью огонек спички. Было ветрено. Конец осени — затяжные дожди и сырость, и заморозков вроде пока не предвидится. Сел на крыльцо, бросив на ступеньки старую куртку.

В щеку уткнулся прохладный, влажный нос собаки. «Здорово, Малыш! Что ж ты приезд хозяина, то проворонил? Все носишься где-то. И ошейника, смотрю, на тебе нет. Мать сняла, аль помог кто? – Вовка потрепал пса по мокрому загривку. - Старый ты, брат, стал. Дом не сторожишь. За хозяйством не смотришь.» - Вовка обвел глазами двор. Да какое уж там хозяйство. Кур, и тех мать извела. Небольшой огородик под картошку, несколько гряд, тепличка с оборванной ветром пленкой, вот и все богатство.

Свою мать Вовка любил. Любил тихой, сыновней любовью, жалел ее. Отца он не знал, потому с детства рос мужиком, не гнушаясь никакой работы. Дрова, вода, плотницкие работы по дому — все было на нем. Мог и в хате прибраться, и белье, если надо, постирать. В выпускном классе, готовясь к экзаменам на крыше сарая, мечтал, как закончит он школу, уедет в далекий город, получит профессию, и их жизнь с матерью изменится к лучшему. Вовка криво усмехнулся. Город тогда встретил его непривычной суетой, шумом и толкотней, гудением и визгом машин. Поступил в училище, получил место в общежитии. И началась другая жизнь: необычная, яркая, насыщенная...

Вовка стряхнул пепел с сигареты. Малыш преданно заколотил хвостом. Ветер стал стихать. В избах засветились окна. Из труб к небу поднялись столбы дыма. Подмораживало.

С Катериной они поженились, когда он уже работал на заводе. Первые годы жили на съемной квартире. Молодая жена ни в какую не захотела идти жить в общежитие, где им предложили комнату. «Знаем мы ваши общежития, - заявила она, - пьянки да гулянки одни. А мне к сессиям готовиться надо». Матери невестка почему-то не приглянулась. Поджала губы, когда Катерина, впервые приехав в деревню, умудрилась ногой в босоножке ступить в коровью лепешку, устроив потом по этому поводу настоящий скандал. «Делов-то, - ворчала тогда мать, - ноги ополоснуть....» Так и пошло дальше. Катерину в деревню пряником не заманишь, а мать тем же пряником в их однокомнатную городскую квартиру. И с детьми не сложилось. Вначале Катерина получала образование, делала карьеру, а потом уже как-то и не получалось.

Скрипнула дверь в сенях. На крыльцо, зябко кутаясь в вязаный платок, вышла мать. Вынесла миску с едой, поставила перед Малышом. «Пошли, что ли, в дом, сынок. Что сидишь тут на сквозняках. Простыть захотел?» Положила шершавую руку Вовке на голову, провела по непослушным волосам. «Седой, смотрю, весь уже стал. Не рановато ли. Оххохоньки мои... Пойдем, сынок. Я картохи сварила. Грибков соленых с подпола подняла. Огурчики есть соленые, помидоры.». «Сейчас, мам, - ответил Вовка, - докурю вот..». Мать ушла, а Вовка, выбросив искуренную до фильтра сигарету, потянулся за другой...

Малыш уже давно гремел пустой миской, а Вовка все сидел на крыльце. Мать больше не выходила. А он прикидывал, с чего начать завтрашний день. Подлатать сарай, нарубить дров. Починить прохудившуюся крышу над сенями. Да не забыть на ночь вылить воду из ржавой железной бочки, перевернуть ее. Мороз стукнет, поздно будет. Посмотреть крыльцо. Одна из ступенек совсем прогнила, ходуном ходит. Не дай Бог, мать оступится. Да и в избе дел полным-полно...

Было уже совсем темно, когда Вовка поднялся, расправил плечи и поднял лицо к небу. На лицо сначала упала одна снежинка, затем другая... И пошел снег.... Чистый.... Пушистый. Первый...

Дина ЛЕБЕДЕВА

Как город ложился спать

Это было осенним субботним вечером. Но не тем дождливым и грустным вечером, который обычно бывает осенью, а совсем другим – теплым, ясным и солнечным.

Теплая погода так расслабила город, что он никак не мог угомониться и все продолжал шуметь. По улицам носились машины, из окон которых неслась громкая музыка. Жители города гуляли по улицам и переулкам, весело смеясь и оживленно беседуя. Птицы прыгали по тротуарам, о чем-то бесконечно переговариваясь между собой. И даже свет почему-то не хотел зажигаться в уличных фонарях, хотя темнота неумолимо опускалась на шумный город — все ниже и ниже, и ниже...

Но вот на небе появилась большая молчаливая луна. Она слегка укоризненно посмотрела на расшалившийся город и прошептала: «Ведь уже совсем темно. Пора ложиться спать». Одинокий желтый осенний лист оторвался от веточки клена и, медленно падая, прошелестел: «Вечер давно уже пришел. Нужно спать». А кошка, неспешно гулявшая по площади и бесшумно ступая своими мягкими лапками по тротуару, тихо сказала: «Уже темно, и я хочу тишины. Давайте-ка спать!».

И тогда город вдруг оглянулся по сторонам и подумал: «Ой! А ведь действительно уже совсем темно, а я даже и не заметил этого. Надо скорее готовиться ко сну!». И вот на улицах загорелись тысячи уличных фонарей, а жители города заторопились по своим домам. И машин тоже стало заметно меньше — им ведь тоже нужен отдых! И птички внезапно притихли, разлетевшись по своим гнездышкам.

И когда все жители угомонились, город сказал сам себе: «Ну, вот и закончился этот чудесный, осенний субботний день. Пойду-ка и я спать!» И город уснул.

Юрий ИОФФЕ

Татьяна Дунаф ирония

Ах, вот так встреча! Что-нибудь случилось? Что привело Вас вспомнить обо мне? Поговорить? Скажите

мне на милость, О чем?! О снах, о грусти, о весне?..

Пусть на лицо бледна,

почти бескровна, Пусть к горлу подступил ненужный ком. Мне этот разговор приятен ровно, Как по морозу бегать босиком.

И никуда от скуки нам не деться. А помните Вы.... летняя гроза?.. Я помню... но любовью не согреться, И теплый плед манит закрыть глаза.

Так было тихо, сердце потревожил Ваш голос — колокольчик изо льда. Вы разберитесь, что для Вас дороже. Убить двух зайцев разом? Как всегда...

И я все та же, кукла, недотрога. Что говорить со мною? Смысла нет... Входите,

Вы не стойте у порога, Закройте дверь и выключите свет.

МОНОЛОГ ПЛЮШЕВОГО МЕДВЕДЯ

Сижу я на диване целый день, Медведь в помятой розовой футболке. А у нее – учебники на полке, И музыка, и все ей как-то лень, Впустую тратит время, красит губы... Поставит снова крестик на руке И пишет, пишет в дневнике, Ругается, бывает даже грубой... Ее считают взрослой. Но смешны И часто неоправданны надежды, И вот она вздыхает и, как прежде, По соннику разгадывает сны. Ей хочется, чтоб ночи не кончались, Чтоб хорошо все было у подруг, Чтоб разорвался бесконечный круг, И те, кто ждут друг друга, повстречались. Я так люблю, когда она поет, Когда меня посадит на колени, Нарядная, и выбирает тени. А после жду — с улыбкою придет! Так хочет быть счастливой и ничьей, Но иногда глаза устало спрячет, Меня обнимет тихо и заплачет О чьем-то крепком ласковом плече. О чьих-то темных угольных ресницах, О хрупком счастье в лунный гололед. О том, что этот кто-то не придет, Но он ей обязательно приснится. Она расскажет тайны всех обид, Как холодно, темно и безответно. И я с ней плачу, плачу незаметно, Хоть я всего лишь плюшевый на вид.

Крик горя

Это было в конце шестидесятых. Мы, я и мой приятель Борис, прибыли к месту назначения. Началась самостоятельная жизнь, полная тревог и надежд. Мы были молоды, нас ничего не смущало, нам всё было по плечу. Мы были очень чувствительны, а свою работу врача рассматривали, не иначе, как служение людям. Боль людскую, душевную и телесную, чувствовали каждой клеткой своего организма и отводили, как могли. Работали, как каторжные, на износ дни и ночи. Пришли удача и разочарования. Пришёл опыт.

Много воды утекло с тех пор. Что - то стало забываться, но как ни странно. одно событие, никак не связанное напрямую с работой, мне запомнилось до мельчайших подробностей...

Я возвращался с вызова. Вечерело. Было тихо. В воздухе, густом и неподвижном, физически ощущалось приближение грозы. Вдруг я почувствовал какое – то странное движение. От неожиданности я отскочил в сторону, не до конца осознавая, что происходит. По переулку, заполняя собой его пространство, вприпрыжку бежала вдвое поперёк толще баба, и, заходясь в надсадном крике, выдавила из себя душу: «Иссушили!.. Ироды!.. Иссушили!» Обращение её, наверняка, было адресовано домашним, то ли мужу, то ли детям, а может и начальству, а то и всем вместе, всему миру. Крик бабы усилился эхом и тугим комком вывалился из переулка на соседнюю улицу, многократно повторяясь: «Иссушили!.. Иссушили!..» Так и застрял в моей памяти.

Я долго не мог уснуть, впервые всерьёз задумавшись о кривых линиях жизни... Этой ночью сам собой родился вопрос, который позднее стал главным: «Почему мы так плохо живём?» И сейчас, каждый раз видя людские страдания, память возвращает мне бабье перекошенное лицо и

Несчастный случай

...-Это, я тебе скажу, не приведи господь, случай. Век не забуду. У нас, на Сибзаводе, кузнец один работал, много лет, вроде опытный, не пьяница. Выпивал слегка, по праздникам, но на работе не пил. А вот, поди ж ты, обмишурился как... Работал он на ковочной машине. Там, в цеху, индукционные нагреватели стоят, металл нагревают аж до... ну, в общем, металл светится... Работа такая: берёшь раскалённую заготовку клещами, они на подвеске, и катишь её на троллях к ковочной машине на формовку. Кузнеца этого возьми да отвлеки кто - то с разговором: он, ля – ля... ля –ля...отвлёкся. А потом раз...и поворачивает игрушку эту, чтоб подкатить на формовку.

А Толик Кукин тут и подвернулся. Мужик, правда, не очень, так себе. Можно сказать, никчёмный. Любитель постучать, в карты тоже играет. Он у нас работает, в цеху. Как его угораздило?! Чёрт его поставил в эту минуту! Оно ведь как?! Каждое дело случаем оборачивается

Так вот, болванка искрами сыплет, как раз Тольке – то другим краем и угадала в причинное

Можешь себе представить, что случилось? Не можешь?! Были у человека яйца...и испарились! Оскопил мужика ни за что, сволочь!...

А если б кто стоящий оказался? Нет, чтоб молчком работать?! А-а-а?!

Всё ля-ля...ля-ля...

Когда жизнь разрушаться стала, бани позакрывали. А как без бани жить?

Привыкли мы ведь уже без вшей. Да и жизнь она продлевает, говорят, настроение даёт. А теперь что, ко вшам возвращаться, что ли? Не бывать этому! Долго ли, коротко ли, но я на

огороде свою поставил. Загляденье, самому понравилась. Просторная, с полком, с предбанником. Экономная банька получилась! Воды натаскал, пару дровишек бросил и... пошла душа в рай! Так это хорошо! К хорошему быстро привыкаешь. Только слух прошёл, вот, мол, у соседа баня, так баня, и напрашиваться стали.

Я сам-то не парюсь, давно уже, сердце не позволяет, а так, посидеть, потомиться, попотетьэто в самый раз. После бани такой, думаешь, как хорошо жить-то на свете!

Вот к субботе мужики, соседский круг, и подговорились ко мне на баню. Я не против, что ж, не жалко. Тащите воду, дровишки, и пожалуйста! И Григорий Кузьмич пришёл.

-Я, - говорит, - с твоей хозяйкой договаривался.

С берёзовым веничком, разодетый, как клоун, в шапке-ушанке и в варежках.

Мужики шутить стали:

-Ты, Кузьмич, никак на полюс собрался? Боисс-я-я... лысину застудить? Тут баня сурьёзная, ты бы сердце своё поберёг, однако. -Да вы, мужики, за меня не переживайте. Я чуток попарюсь, да и уйду...

Собрались в парной по ранжиру. Кузьмича вперёд пропустили, мол, сейчас он быстренько,

а мы за ним. Пар сухой, нервы щекотит. Кузьмич на полке команду подаёт:

-А, ну, плесни ещё,- и давай себя хлестать, веничком охаживать! Мать моя женщина! -И-и-и- их! – Кузьмич погладит себя веничком, погладит и опять хлещет.

-И- и-и-ех! Выйди нечистая,.. зайди чистая!.. Заглянул я в парную: ужас!.. Кузьмич на полке скачет, а мужики на полу лежат. Дышат как

Пар идёт, градусы растут. Поняли соседушки мои дорогие, что дело не шутошное. У одного волосы начали гореть, у другого уши в трубочку завернулись, а третий-пополз.

С горем по полам все трое выкатились. Я в предбаннике сижу, спрашиваю:

-Ну, как, мужики, баня?

А они кое – как отдышались, мне в один голос:

-Ты, сосед, его, этого чёрта, не зови больше. Он нам баню испортил!...

Пассаж

Звонит мне Трокин, наш начальник медотдела.

- -Жду тебя в одиннадцать. Я приезжаю, спрашиваю у секретаря, показывая на кабинет,
- -У себя.
- -Мне назначено.
- -Я в курсе, проходите. Вхожу в кабинет. Начальник на месте, держит под столом руки, что - то разглядывает, производит какие - то действия.

Здороваюсь, молчание. Стою, жду. Тишина. Тикают настольные часы. Проходит неприлично много времени, по крайней мере мне так показалось.

Я начал сомневаться: «Я здесь или меня здесь нет?» Кашлянул, на всякий случай. Молчание. Какое – то шевеление под столом всё же происходит.

Прохожу, сажусь за стол без приглашения. Сижу, жду. Молчание.

Стало скучно. Пересмотрел корешки книг в шкафу, проанализировал мысленно завтрашний день: надо сделать то - то и то - то. Отчёт на носу, пора готовиться.

Полковник неожиданно поднял на меня глаза, фыркнул, как будто сбросил какую – то обузу, и, без всякого предисловия, гордо произнёс,

-Вот, всё починил. - В руках его блестели часы. - Ты знаешь, я с детства мечтал быть часовым мастером, люблю я это дело, И чего я попёрся в эту медицину?- Он медленно достал из кармана брюк платок, расправил его, отёр им вспотевшую лысину, и, как бы очнувшись окончательно,

-Зачем я тебя вызывал, а? Ты не знаешь?

Рассказы Вячеслава ОМСКОГО, Представителя «Пи 1» в г. Омске

Евгений Фельдман

Родился в Омске в 1948 году. Закончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический факультет) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Единственный за Уралом профессиональный поэт-переводчик. Стаж творческой деятельности – более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англошотландской классической поэзии. Больше всех в России перевёл из Редьярда Киплинга (треть всего творческого наследия Киплингапоэта), Роберта Бернса (две трети; для сравнения – С.Я.Маршак около 36%) и Джона Китса чуть более половины творческого наследия). Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Трёхтомная антология «Семь веков английской поэзии» - вышла в московском издательстве «Водолей Publishers» (2007) - на 15% состоит из переводов Евг. Фельдмана. В издательстве «Фолио» (Украина, Харьков) в переводе Евг.Фельдмана вышла любовная поэма Джона Китса «Эндимион» (2008). В этом же издательстве в переводе Евг. Фельдмана вышла книга – Роберт Бернс «Былые времена» (2009). В нынешнем 2010 году в издательстве «Фолио» в переводе нашего земляка вышла книга - Редьярд Киплинг «Кабульский брод». В нынешнем году в издательстве «Фолио» в версии Евг. Фельдмана вышла книга «Рубаи» Омара Хайяма. Книга вышла сразу в двух сериях - «Микрокнижки» и «Миниатюры». До конца 2010 года в издательстве «Фолио» должна выйти книга переводов Евг.Фельдмана с английского «Разбойники, пираты, воры». Такого поэтического сборника у российского и украинского читателя ещё не было. До конца 2010 года в московском издательстве «Терра» должна выйти в свет поэма Джона Китса «Эндимион». Книга предназначена для элитного клуба "Monplaisir"; издаётся крайне ограниченным тиражом, в магазины и библиотеки не поступит.

В настоящее время московское издательство «Вече» готовит к печати книгу английского писателя 19 века Уильяма Гаррисона Эйнсворта (1805-1882) «Руквуд». Это – лучший роман писателя, впервые увидевший свет в 1834 году. Перевод – Евг. Фельдмана

Роберт Бернс (1759-1796)

ДЕНЬ СОВЕРШЕННОЛЕТЬЯ

В день совершеннолетья, Тэм, Свою покину клеть я, Тэм, Заставлю всю свою родню Другие песни петь я, Тэм!

Моя родня учить меня Готова чуть не плетью, Тэм. Три года подожди до дня, Дня совершеннолетья, Тэм!

Наследство тётка мне даёт, И стану им владеть я, Тэм; И враз родня закроет рот В день совершеннолетья, Тэм!

Твердит богатый дуралей, Могу, де, пожалеть я, Тэм, Но я решила стать твоей В день совершеннолетья, Тэм!

«ЧЕТЫРЕ ВЕТРА НА ЗЕМЛЕ...»

Четыре ветра на земле, Но западный один, Мне повторяет имя Джин, Моей любимой Джин. Мечтаю я под звон ручья, Под шум лесных старшин. Моя душа летит спеша, Летит к любимой Джин.

Цветы ли все стоят в росе И птицы ли поют, Но с ней душа в любой красе Находит свой приют. И в мире целом нет глубин,
И в мире нет вершин, Что не напомнили бы мне О Джин, любимой Джин. Повей, мой западный, повей!
Над полем, над лужком По небеси пчелу неси С нагруженным брюшком. Неси ко мне мою любовь, И тысячи кручин Улыбка нежная сотрёт Моей любимой Джин.

О, встреч, разлук блаженный круг! О, жаркие сердца! Река, холмы, — здесь только мы, Здесь клятвы без конца! Лишь только Тот, кто создал род И женщин, и мужчин, Поймёт меня: прожить ни дня Я не могу без Джин!

«Я С ЖЕНОЮ, ВИДИТ БОГ...»

Я с женою, видит Бог, Лет не замечаю. И другим не ставлю рог, И себе – не чаю.

Никого я не гноблю, Сам не унижаюсь. Попрошаек не люблю, Сам не одолжаюсь.

Без нужды не лезу в бой, Ближних не увечу. Острый нож ношу с собой: Надобно – отвечу.

Не судимый, не судья, Завистью не зужен, Никому не нужен я, Мне – никто не нужен!

«Я МИГОМ — Я СРАЗУ — ТЫ СВИСТНИ МНЕ ТОЛЬКО...»

Я мигом - я сразу ты свистни мне только!

Я мигом — я сразу

ты свистни мне только!

Отец мой да мать,

не боюсь их нисколько! Я мигом - я сразу ты свистни мне только!

Тихонько пройди мимо нашей сторожки, Тихонько пройди,

осторожнее кошки, Пройди и не выдай по глупой оплошке, К кому ты торишь

На рынке ли, в церкви столкнёмся с тобою, и мгновенно Взгляни смешайся с толпою, Потом незаметно пройди стороною,

Но взглядом уже не встречайся со мною.

свои стёжки-дорожки.

Тверди «не люблю!» в небреженье жестоком, Пусть ложные клятвы прольются потоком. И всё ж на других не поглядывай оком, А то ведь и сглазят. глядишь, ненароком!

©Перевод Евг.Фельдмана

Софья Королёва

Родилась 20 ноября 1986 года в городе Нижневартовске. Окончила среднюю школу с серебряной медалью. Окончила Омскую Медицинскую Академию, лечебный факультет, в 2010 году. Сочинять стихи начала с7лет, записывать в 12 лет.Стихи напечатаны в Литературном альманахе Медакадемии, в газете «За медицинские кадры», в сборнике городского конкурса поэтов «Вдохновение».

6-letter word

Без патетики и воя, Без изящного искусства, Как сказать тебя, смешное Шестибуквенное чувство?! То ли в голос рассмеяться, То ль в подушку горько плакать... Проще взять и потеряться Между «Л» и мягким знаком.

Этюд

В ближних домах окон сверкнут пятна. Обь вдалеке заблестит перламутром. Теплый полумрак примет меня в обьятья.

Я растворюсь в нем между ночью и утром. Воздух вдохну стройных осин аллеи

И – в небеса, сколько смогу взором, За горизонт там, где закат рдеет... Ты – моя жизнь! Ты мой родной город...

ИНТЕЛЛИГЕНО

Репортаж с 15-го Вашингтонского Цветаевского костра.

В первое воскресенье октября, накануне дня рож-Марины Цветаевой, с утра была добропорядочной: тучи не мешали солнцу радовать устроителей и участников Цветаевского костра. Ветер, обычно пронизывающий костровую поляну

в Rockville Regular Park, тоже в этот день, а именно 3 октября 2010 года, вёл себя тихо. И поэтому листья огромных деревьев, обрамляющих поляну, шуршали как-то неохотно, но всё равно глушили голоса участников

Уже за час до начала концертной программы 15-го Цветаевского костра начали появляться любители русской поэзии. Первыми прибыли супруги Степановы, Леонид и Людмила. Они здесь впервые, зато привезли шатёр для «сцены» на случай возможного до-

На юбилей собрались жители Вашингтона и его окрестностей, или проще Большого Вашингтона, или короче – Вашингтонщины. Были гости и из Балтимора, Нью-Йорка и Петербурга (штат Флорида).

Постепенно поляна заполнилась людьми. И началось поэтическое пиршество.

Выступило 16 человек. Все читали стихи. Кое-кто ещё и пел. Конечно, главным героем была Марина Цветаева. Началось всё традиционно со звуков колокольчика и со стихотворения «Красною кистью рябина за-

Юбилей состоялся жглась...», в котором МЦ сообщает, что «падали листья, я родилась» и с рассказа о 25-ом

Тарусском Цветаевском костре. После чего её стихи звучали целыми циклами. Сначала это было в исполнении организатора костра, куратора «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» Юлия Зыслина и его помощницы, поэта, переводчицы и лектора Марины Тюриной-Оберландер (четвёртая серия стихотворений из цикла «Ранние стихи МЦ в хронологическом порядке» из книги «Вечерний альбом», изданной 100 лет тому назад).

Программу из пяти стихотворений Цветаевой и одного стихотворения её друга Пастернака подготовили старшеклассницы школы при Посольстве РФ (педагоги Вера и Алексей Крошины). Эта школа впервые участвовала в Вашингтонских кострах. Их поддержали юрист и актёр Аркадий Барский, педагог английского языка Ирина Алукер, бизнесвумен и общественный деятель Светлана Соколова. Прозвучало и несколько авторских посвящений Марине Цветаевой (Тамара Квитко, Марина Тюрина, Юлий Зыслин. Марина и Юлий читали и другие свои стихи).

Но вот вышла «на сцену» семилетняя Саша Михайлова из «Центра интеллектуального развития» (Балтимор, директор Ирина Попова), и полностью с выражением прочла стихотворение Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». Это был главный сюрприз. К словам Маяковского «Смелый мальчик - хорошо», захотелось добавить слова: «А смелая девочка – лучше!».

В ходе программы прозвучали три песни. Две на стихи Марины Цветаевой (Вера Крошина – «Окно» и Юлий Зыслин «Красною кистью...»), а третья - это известный шлягер «Город золотой». Шлягер спела талантливая

Ирина Алукер на русском и английском языках (поанглийски в своём очень складном переводе). Причём русскому варианту песни подпевали из публики. Ирина прочла также поразившие её однажды стихи молодой поэтессы из Петербурга Алина Кудряшевой

Приятной неожиданностью стало выступление студентки университета им. Джор-Вашингтона Альгуль Баталовой (Казахстан).

прочла свою своеобразную философскую поэму о жизни и о русской культуре.

Наконец настало время для выступления профессионального актёра и телевизионного режиссера Леонида Степанова. Он с большим чувством и мастерством прочёл стихи Блока, Пастернака и Гумилёва. И это не случайно: в этом году у Блока – 130-летие, а Пастернаку – 120. Приближается и юбилей Николая Гумилёва - его125-летие.

Два часа пролетели незаметно. Солнце куда-то спряталось. Отдельные капельки дождя пытались испортить настроение. Но им это сделать не удалось, так как юбилей удался на славу. Люди знакомились, общались, некоторые долго не расходились.

Все выступающие получили в дар (а все желающие могли взять) газеты с публикацией статьи о Вашингтонских Иветаевских кострах компакт-диск с песнями на стихи русских поэтов и рекламу новой книги, изданной в Москве, - «Всемирные Цветаевские костры» (430 страниц и 300 фотографий о 45 кострах в разных странах мира).

На костре, как и раньше, не один раз звучало стихотворение молодой Марины Цветаевой «Моим стихам, написанным так рано...» (1913), где она предсказывала, что им «настанет свой черёд».

Но даже она не могла себе представить такую могучую славу, какую обрели её творчество и её образ в наше время во всё мире.

> Остап КОШКИН Вашингтон

Бабушка Кинг-Конга

Порой случается, что некоторые по разным причинам не знают своих бабушек. Вот и голливудский обезьян Кинг-Конг, наводивший ужас на впечатлительных кинозрителей, не подозревал, что его бабушка жила в холодной России и терроризировала далекий город Петроград. Причём криминальный почерк родственников одинаков — похищение невинных особ женского пола...

Режиссёр Питер Джексон задался целью создать римейк фильма, снятого режиссёром Гилермином, но уже с использованием современных кинотехнологий. Был написан новый сценарий, который, однако, сюжетно в целом верен первоисточнику

Действие римейка, как и действие первого фильма, происходит в 1933 году.

Сюжет: кинематографист Карл Дэнхем спешно отправляется снимать фильм на тихоокеанский остров. Случайно он знакомится с безработной актрисой Энн Дэрроу, которая соглашается ехать с ним для участия в съёмках. На корабле она знакомится с драматургом Джоном Дрисколлом, который в неё, естественно, влюбляется. На острове киногруппа обнаруживает туземное племя. Аборигены похишают Энн прямо с судна (имеется в виду корабль). Из джунглей появляется невероятных размеров горилла, которую аборигены называют Кинг-Конг, и уносит бедняжку Энн.

Все эти ужасные ужасы задолго до Гиллермана и Джексона поведал деткам добрый дедушка, большой друг крокодила, Корней Иванович Чуковский:

> Гадкое чучело-чудище Скалит клыкастую пасть. Тянется, тянется к Лялечке. Лялечку хочет украсть. Лялечка прыгнула с дерева, Чудище прыгнуло к ней, Сцапала бедную Лялечку И убежало скорей... Дикая горилла Лялю утащила...

Лялечка плачет и пятится. Лялечка маму зовёт.. А в подворотне на лавочке Страшный сидит бегемот...

Непонятно, почему милая девочка Лялечка, как заправский примат, скачет по де-

Преследуя кошмарную гориллу Кинг-Конга, американцы сталкиваются с доисторическими ящерами, гигантскими насекомыми и другими несимпатичными персонажами – вроле бегемота на лавочке. Часть съёмочной группы погибает, что приносит значительную экономию бюлжета.

Корней Иванович строит сюжет аналогично. Ничего хорошего населению Петрограда ситуация не сулит. Могут элементарно сожрать.

> Через болота и пески Идут звериные полки... Они идут на Петроград. Они сожрать его хотят... Кто из лютых когтей Разъяренных зверей Нашу бедную Лялечку вызволит?

Однако отважному Дрисколлу всё же удается добраться до логова Кинг-Конга и спасти Лялечку. Простите, Энн. Вот ведь какие драматурги бывают!

> Лишь олин гражданин Не бежит, не дрожит -Это доблестный Ваня Васильчиков. Он ни львов, ни слонов, Ни лихих кабанов Не боится, конечно, ни капельки! Они рычат, они визжат, Они сгубить его хотят, Но Ваня смело к ним идёт И пистолетик достаёт.

Дэнхэм зачем-то привозит закованного в цепи Кинг-Конга в Нью-Йорк. Конг в ярости разрывает стальные цепи и освобождается. Начинается паника. Конг выходит в город и пытается найти Энн, круша всё на пути. В конце концов, он её находит и, преследуемый военными, взбирается с ней на шпиль Эмпайр Стейт Биллинг.

> Выше, выше, выше, Вот она на крыше, На сельмом этаже Прыгает, как мяч.

Истребители-бипланы атакуют гориллу и в неравном бою расстреливают из пулемётов, насмотря на попытки Энн остановить убийство. Похоже, актрисе льстила любовь зверя. Умирающий Конг падает с небоскрёба, а Энн, оставшуюся на шпиле, выручает Дрисколл (Ваня).

> И счастлив Ваня, что пред ним Враги рассеялись, как дым... И вновь из каждого двора К нему доносится «ура».

Отметим некоторые различия, однако У Чуковского горилла «она». Сексуальный момент затушёван. Вроде бы происходит элементарный захват заложницы-Лялечки без всяких лесбийских поползновений.

Седьмой петербургский этаж американцы переделали в крышу небоскреба, так им понятнее, и кадры эффектные снять можно.

В американском фильме — эндшпиль на шпиле: любовь и смерть.

У Чуковского в финале перемирие на позорных условиях. Звери в ответ на освобождение из клеток обязуются влачить жалкую жизнь — есть лишь чай да простоквашу, да гречневую кашу. При этом еще и любить своих победителей. Знакомая ситуация.

Женя ПАВЛОВСКАЯ

Наталья Гордеева Пепел

- иидоме онна в своём одноместном склепе, жилы стянуты в кольца,

по венам не кровь, а пепел. Мой остывший Гольфстрим

впадает в апатии море, где под толщею льдин дрейфует сознанье немое

мимо чьих-то обид и за зону доступа боли, где уже не знобит и не стынут мой ладони. Квазимото внутри меня

отрыдал своё, отсмеялся, по расписанным мною ролям карлик мой наигрался.

Пепел в венах шуршит, остывая соленой золой, сердце молча дрожит -покрывается бурой корой.

В промежутках дыхания путь домой нарисован и на карте сознания гаснет моя супернова.

Атака по правилам

Тишина барабанов вдали меня очень пугает, Жду сигнала к атаке

по правилам кодекса мести, Моё алчное эго сегодня меня опьяняет Мои верные крысы ждут от меня известий.

Я сегодня немного спонтанна в своих решениях, Или просто Сатурн проходит по линии Марса.

Я бываю хорошим стратегом в такие мгновения, Хорошо отличая зерна от плевел и фарса.

Посмотри, как надулись вены на белых запястьях, Предвкушая охоту на слабых и оскорбленных, Пропущу твоих бешеных псов сквозь крысиные пасти И оставлю на память о встрече

твой флаг окроплённый.

Мой крысиный альянс имеет все преимущества, В это время раздачи долгов за чужую беспечность. Уничтожу весь клан, тебя же оставлю помучаться, Мы еще посидим,

Тишина барабанов вдали

тет-а-тет побазарим о вечности.

тишина оараоанов вдали ничего не меняет. Жду сигнала к атаке. На этот раз всё серьёзно. Моё алчное эго сегодня меня опьяняет, Если хочешь бежать, беги (всё равно уже поздно).

Ой, мама

Мама, ты знаешь, тот, кто живёт в моей больной голове, не всегда дружит с тем, кто в здоровом живёт моём сердце -

и красным посыпь его перцем, пусть зачерствеет оно на гранитном холодном столе.

Мама, просто скажи, что зима эта всё же мне снится. я ведь поверю тебе безоглядно, клятвенно, слепо.

Всё, что творится вокруг, действительно слишком нелеподобрые эти врачи и злые холодные спицы.

Мама, а ночью, когда они гасят тут полностью свет, стены мне тихо шепчут,

души моёй трогая струны, мама, я вижу такие странные белые руны, что оставляют на коже

моей яркий огненный след.

Мамочка, милая, просто спой мне, пожалуйста, песню, ты ведь любила давно, неважно, какую, любую...

Не приходи, я прошу, не смотри на меня такую и забери со стола

на суконном шнурке мой крестик.

УИНТЕЛЛИГЕНО

Геннадий Михлин Представитель «ПИ1» в Финляндии

Финская тайга

Сопки, покрытые девственным лесом, Камни, обильно поросшие мхом. Кто-то в суровом миру поднебесном, смело с котомкой бредет напролом.

Путник чужой, как видать, издалёка. Кто, окаянный, заглянет сюда? С Запада, Юга он или с Востока? Что его гонит? Любовь — не беда!

Знает ли этот бесстрашный бродяга, страстно гонимый несбывной мечтой, что за любовь не получит награды и никогда не вернется домой?

Шелесты — будто бы кто-то талдычит голосом вкрадчивым свой приговор, то ли какие-то птицы курлычат, то ли колдуньи словесный узор.

Словно расступятся ели и сосны, солнце пробъется, мелькнет синева... Эти глаза! Эти кущи, как космы, будто ресницы — осока-трава.

В этих глубоких глазах лучезарных очень легко невзначай утонуть. И незаметно в пучине коварной тихо закончится тягостный путь.

Оливия Каллио

Дождь в городе

Капель звон глухой и чёткий: Пляшет дождик, моет камень, Словно дробную чечётку Отбивает каблуками.

Моет сутками рутинно Тротуары с мостовою. Город-кошка выгнул спину - Шерсть топорщится травою.

Плачет дождик, чередуясь С озорной улыбкой солнца, Прибивает пыль седую, Моет струями оконца -

Бьёт обильно, но не больно Гроздью капель в стёкла окон, Город, кошкою довольной, Труб хвосты задрал высоко.

Гости

С гостями очень хорошо: Они везут подарков тюк И украшают, если ш(т)о, Своим присутствием досуг,

Вы с ними глушите абсент, Ведёте речи до утра, И испаряется в момент С гостями всякая хандра,

Вы нарушаете режим, Вы отдаётесь им до дна, И скоро прихотям чужим Вся ваша жизнь подчинена,

Они вас плотно вводят в круг Своих проблем и новостей, И понимаете вы вдруг, Что как-то лучше без гостей.

Мозги

С мозгами — это сущий рай И уважуха, и почёт. По жизни с вами всё all right, Нигде над вами не течёт.

К вам благосклонны в детсаду, Вы в школе учитесь на «пять», Вы в институте на виду, На службу вас мечтают взять.

Там посулят вам барыши, Карьерный рост и внешний лоск -Мол, только, детка, поспеши И напряги свой классный мозг.

Достигли высших вы кругов (Почти), изрядно попотев, И вдруг блондинку без мозгов Берёт на ваше место шеф.

А почему? Да не вопрос. Мозги всё те же, просто класс, Но вы втащили в горку воз, А дальше справятся без вас!

Авторы Литературной интернет-газеты Финляндии «Северная широта» - жители Финляндии (www.sever-fi.org)

Сказка

За окном барабанит нудный осенний дождь. На дороге с неотремонтированным асфальтом бесчисленные лужи. В подметке левой туфли дырка. Зонтик вывернуло шквальным ветром. Колготки порвались на правой коленке — кто-то чемоданом задел в тесном трамвае. На душе муторно, в кошельке пусто. Работы нет, мужа тоже. Доверчиво лежит в руке теплая детская ладошка. Дочка просит купить шикарную куклу, которую видела неделю назад в яркой витрине магазина. Электричества жгут в магазине — не меряно. А мой счет пока не оплачен. Алименты не регулярные, не знаю, когда оплачу.

-Расскажи сказку,- звонко требует дочь, возвращая меня на землю.

А дождь все стучит и стучит. Безысходно и навечно заливая день и надежду. Но я же не могу рассказать ей об этом.

-Хорошо, слушай, - крепче сжимаю ладошку самого дорогого мне человечка.

На высоком холме, в гордом одиночестве и величии, возвышался старый дуб. С приходом весны, под лучами ласкового солнца, начали пробиваться молодые зеленые листочки. Два листика, которые оказались рядом почти на самой верхушке дерева, изо дня в день украдкой поглядывали друг на друга. Листик-девочка смущалась под пристальным взглядом листикамальчика. А он же, в свою очередь, любовался ее красотой и совершенством.

В скором времени они подружились. Вместе листики росли и радовались предстоящему лету. Делились самым сокровенным: секретами, маленькими радостями и своими снами.

Листочки любили разговаривать о будущем и строить планы. Вместе они мечтали о том, как будут купаться в лучах дневного света, а ночью разглядывать ослепительной красоты небо, устланное звездным ковром во главе сияющей луны.

В пасмурный день листочек не давал скучать своей подруге, развлекая ее веселыми историями, наблюдая, как на грустном лице робко пробивается застенчивая улыбка. «Ее улыбка лучистая и живая,- думал листик, - Лучшая награда для меня».

Время шло, бежали дни, влюбленные листочки встречали рассвет и провожали закат. Каждый раз, с легким дуновением ветра, листики шелестели, трепетно прижимаясь друг к другу. Казалось, они шепчут ласковые слова. В дни, когда природа буйствовала и проливала дожди, листочек старался прикрыть собой свою возлюбленную, дрожащую от холода и страха. Она же, в благодарность, под шум ветра шептала ему тихое «люблю».

Они ценили каждый миг, каждое мгновение, каждую секунду их счастья. Им принадлежал весь мир

Осень... Ветер беспощадно срывает листья с деревьев, и те кружатся в прощальном танце. Она увидела его, сорвавшегося с веточки и уносящегося в туманную даль. Навсегда... На нее упала капля дождя и, будто хрустальная слеза, скатилась вниз, слившись со всеми остальными, такими же печальными капельками дождя в большой дорожной луже.

Среди осенней суматохи и завывания ветра печальным эхом отзывалось «прощай».

Увидев в глазах дочери застывшие слезинки, я крепче сжала детскую ручонку и сказала:

-Будет новая весна...

Яна МАРСИ

Саня Сусликов пишет письмо другу

Привет, Лёха!

Да здравствует лето, свобода и проливные дожди. Наконец-то я с мамой в другом измерении, в деревне. Время тут измеряется по-другому: утренняя дойка, покос, вечерняя дойка, танцы. И часов не надо. И ещё знаешь, Лёха, я смотрю в небо, а оно совсем другое, чем в городе. Там оно четырёхугольное с рваными облаками. А здесь, в деревне, такое огромное, гладкое, как чупа-чупс, и облака, как бабушкины подушки.

Жизнь тут, Лёха, настоящая: трактора, мазут и огромные лужи. У меня неограниченная свобода, как у ковбоя, и дружу я с весёлыми ребятами.

По вечерам у магазина «Берёзка» Вася Ливерный хриплым голосом поёт песни о неразделённой любви, а бабушка вздыхает: «Ох, сердешный, как мается!» (то есть мучается). Руки у Васи огромные, такие, что гармошка у него в руках кажется игрушечной. На руке у Васи есть татуировка «не забуду мать родную». Вчера он пел грустную такую песню «Лебеди». Старушки плакали, а Васин сосед, Ваня Чугункин, обняв пень, рыдал: «Бедная Лебёдушка, такая же одинокая, как я и Вася!»

А в остальном в деревне очень весело. Коты дерутся, поросята на цепи гуляют, трактора буксуют, куры несутся, а бабушки усиленно внуков откармливают. У них соревнование такое, чей внук толще, та лучшая бабушка лета «Мисс Бабушка». Моя бабушка тоже сосредоточилась на этом. «Ох, внучек, одни косточки! Попробуй это, попробуй то. И что это вас в город - то тянет? Тут-то молоко, сметана. Одним словом, домик в деревне». Моя бабушка часто говорит, как в рекламе. Дедушка над ней посмеивается: «Вот домик в деревне у нас, а молоко и сливки у них, в городе».

Наш кот, Тузя, нанюхавшись до одурения бабушкиных цветов, смотрит на всё сквозь пришуренные веки, а вечером уходит в неизвестность на всю ночь. Утром приходит в колючках, но довольный. В общем, чувствуется, что у него тоже свобода.

И знаешь, Лёха, моя мама тоже изменилась в деревне. Она заплетает косички, качается на качелях и читает сказки. Новый наш сосед даже как-то спросил «Санька, это кто такая, твоя сестра, что ли?» Совсем спятил. Неужели не видно, немолодая женщина (через три года сорок стукнет) в детство ударилась. Такое бывает. Учебный год был тяжёлый, зарплата маленькая, студенты голодные и злые. А тут домик в деревне, беззаботная жизнь, кто угодно в детство ударится.

Мама, конечно, рада так, что помолодела. Бабушка тоже рада, что мама рада. Дедушка тоже по-своему рад, что у бабушки радости больше стало. Да и нам с котом Тузей радостно оттого, что все улыбаются. Дожди льют, а нам хорошо - на покос не надо идти. Солнце светит, это хорошо - дома не надо сидеть. Трактор застрял, тоже хорошо - солярку (топливо) экономим.

Жаль только, отпуск у мамы заканчивается. Значит, скоро будем переходить в другое, городское измерение, где всё более привычно. Скоро увидимся. Я тебе подарки приготовил. Вася Ливерный просто так отдал ключ гаечный на 60 (огромный) и руль от старого трактора.

Ты там, в городе, не скучай! Главное сменить обстановку. Уехать куда-нибудь, где всё подругому. Обнимаю твою мужественную руку. Твой друг Саня Сусликов.

Галина ВИЛЛОНЕН

Ванда Саволайнен г. Хельсинки

МЫШКИ

Сидели в чулане две мышки, Две серые крошки-малышки. Любили они свой чуланчик: Там шкафчик стоял и диванчик. В шкафу том лежали сапожки, Большие цветные калошки, Колючий дырявый носочек И маленький сыра кусочек. На завтрак погрызли калошки, В обед проглотили сапожки, На полдник- дырявый носочек, На ужин был сыра кусочек. Что ж есть будут завтра обжорки, Остались ведь голые полки?

ЗОНТИК С ДОЖДИКОМ ДРУЖИЛ

Зонтик с дождиком дружил, Этой дружбой дорожил. По секрету обо всём Разговаривал с дождём.

О далёких разных странах, О плащах и о панамах, И о чём где говорят, Где что пьют, и что едят.

Он любил бродить по лужам, Понимал, что в дождь он нужен. Хоть ворчали все вокруг, Зонтик дождику был друг.

Но лишь только дождь кончался, Зонтик грустно закрывался. Отправлялся в пыльный шкаф, Где висели плащ и шарф.

Ждать и верить, что опять Будет с дождиком гулять.

ПРО ГНОМОВ

Жили-были у пруда Гномик НЕТ и гномик ДА. Очень трудно им жилось: Все дела решали врозь.

Домик строили сто лет, Ни конца, ни края нет. Если ДА бревно везёт НЕТ бежит, цветочки рвёт.

ДА купается на речке, НЕТ решил построить печку. Дом по-прежнему без крыши, Нет ни окон, ни дверей.

Ну а гномы все решают: -У кого дела важней?

кто кого домой ведёт?

Гром гремит и дождик льёт, Кто по улице идёт? Это мальчик и собака, Кто кого домой ведёт?

Тянет Тузик поводок-Поскользнулся - и на бок. И теперь он в грязной луже От ушей до лап промок.

Тянет Петя поводок-Упирается щенок. Петя тоже поскользнулся В ту же лужу и промок.

Кто увидел ту картину, Не поймёт, не разберёт. То ли Петя, то ли Тузик, Кто кого домой ведёт?

маг недоучка

Чудо дождь идёт с утра, Только это не вода. С неба падают ватрушки, Пироги с клубникой, плюшки.

Всем вокруг на удивление Не природное явление. Это юный маг Антошка, Колдовал с утра немножко.

Дождик нужен был ему, Но забыл он, что к чему. В школе плохо он учился, Летний дождь не получился.

- Сегодня мы еще раз вернемся к теме заветных отношений, ибо они являются ключевыми в духовном устройстве мира и напрямую связаны с понятиями ДОБРА и ЗЛА (о заветах писалось в «ПИ 1», №2). Исходя из понятий ДОБРА и ЗЛА, в мироустройстве существуют четыре модели ЗАВЕТНЫХ отношений. Термин ЗАВЕТ в русском языке состоит из двух фонемных частей ЗА и ВЕТО, где ЗА - это то, что разрешается и поощряется, а ВЕТО - это то, что запрещается, и за нарушение чего несут наказания. В общем понимании Заветных отношений можно исходить из современного толкования, что Заветные отношения - это договорные отношения. Сергей, а как проявляется завет в духовном смысле?

- В мире существуют разного рода закономерности, притом в обществе принимаются разные законодательные акты, но все они относительны в реальном осуществлении. Разные модели заветов между собой зеркально относительны. Самое главное это то, что все законы, в том числе и Заветные, выполняются и нарушаются только двумя способами, - действиями или бездействиями в тех или иных закономерных реальностях.

- Получается, что в заветных взаимоотношениях существуют некие условные грани, так сказать пределы допустимого, переходя которые человек может оказаться совершенно в ином закономерном мире. Тогда в духовном бытие (сознании) человек переходит из одного заветного мира в другой, т.е. всё зеркально переворачивается, но при этом классическое представление человека о мире может оставаться неизменным. Сергей, приведи простые примеры того, как это может происходить в жизни.

- Заветные отношения в мире часто называются сказочными или волшебными, а это фактически так и есть, так как именно в них происходят порой самые чудесные преобразования и превращения. Классическим сознанием и представлением это порой не только не воспринимается, даже если и воспринимается, то люди не следуют духовным правилам и представлениям о мире. Например, для многих людей человек, который оправдывает незаслуженно пороки, кажется добрым, тогда как наказывающий и осуждающий порок ими уже воспринимается как злодей. Однако оправдание, а точней исправление от порочных деяний, возможно только в определенных случаях. Это когда человек искренне покаялся или извинился, когда человека намеренно ввели в заблуждение (он же отнесся к этому наивно или доверительно), когда человек оказался в различных вынужденных случаях (форс - мажорных обстоятельствах). Также когда человеку вынесли публичное порицание или взыскание, когда человека наказывают какими-то лишениями (в том числе взысканиями материальными), при плотских наказаниях, при излечении от греховной зависимости. Всё это надо соизмерять с мерой порока или вины человека, но никакими оккультными ритуалами нельзя получить оправдание порочным деяниям! Когда же в обществе и в общественном сознании насаждаются культы различных верований, проще оккультизм, то простые правила снятия грехов никому не интересны и ими пользуются только единицы, но тотально общество находится в оккультных дурманах. (Потому еще раз повторю, что нельзя прийти в мир Непреступного Света, не победив представителей оккультизма и богачей, которые реально и являются стражами падшего царства!)

Если с человека снялись некие грехи, то он не должен их вновь совершать, т. к. систематическое повторение порока или пороков свидетельствует о том, что оный и есть представитель порочного мира. Человек, который систематически против благоразумности и добропорядочности (прибывает в порочных закономерностях), он вне истинного Завета, то есть у него нет в реальности договора с Богом, такой в реальном договоре с дьяволом. У таких людей неверные к истинности выстроены запретные и разрешительные соотношения, проще, Завет как бы перевернут, что запрещено божественным проведением, у тех разрешено и славится, а что божественным промыслом разрешено, того они не делают и этому всячески противостоят.

Притом, люди оправдывающие незаслуженно пороки и бездействующие, такие же злодеи и порочные представители, как те, кто действует порочно и преступно.

- Зло может клеветой и соблазнами приь на свою сторону не только разных люлей. но и чиновников, силовые структуры, членов правоохранительной и судебной системы против некого одного простого добропорядочного человека. При этом манипулируя всем: от законодательных актов до святых писаний. подлаживая неверные критерии для оценок и показывая, что человек виновен. Однако в этом случае на таких людях еще больше грехов, вины и их души отягощены виной и проклятьем, то есть они становятся проклятыми. притом именно Истинным ЗАВЕТОМ. как таковым. По сути, зеркально выстраивается антимир по отношении к истинной системе. Порочные люди могут думать, раз их много, то нечего им бояться. Мол, они сходят к оккультным представителям, которые тоже вовлечены в эти порочные отношения и являются их зачинателями, мол, совершат ритуалы покаяния и отпущения грехов, вот вроде как бы они очистились, а этот белолага пусть мыкает горе и дальше. Оккультные представители вообще никогда не рассматривают ничего по реальному существу дела, темы или предмета исследования, а нелепо манипулируют изречениями из Святых писаний. Так, оккультные представи-

ЗАВЕТЫ И КЛЯТВЫ

"Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; а чту сверх этого, то от лукавого". Евангелие от Матфея (5: 37)

тели без суда и следствия требуют, чтобы сам человек себя оговорил, что он грешник, таким образом они совершают самый тяжкий грех, т.е. фактически они требуют, чтобы человек признал, что он состоит в договоре с дьяволом. Если же человек пытается им объяснить, что он не виновен и пришел ради Бога, то таких они сразу же гонят. Верность какому-либо завету скрепляется клятвенно между сторонами. Сергей, как клятвенные отношения соотносятся с разными заветами?

- Прежде всего клятвы или проклятья относятся к обещаниям, притом в самом широком смысле этого, что некто как бы обещает кому-либо что-либо, так и к конкретным обещаниям, а все это уже соотносится с пророчествами. Что и есть действенность веры или неверности в различных обстоятельствах реальностей!

Пророки - это люди, которые говорят о не-

видимом как о видимом, а видимое могут скрывать какими-либо иными признаками или закономерностями, т. е. делать тайным для других, о чем мной уже детально излагалось в третьем номере издания «ПИ». В понятие пророчеств входит особая предназначенность чего или коголибо в различных закономерных отношениях. Пророки должны точно и правильно знать разные закономерности, критерии и признаки, чтобы предупреждать, свидетельствовать и объективно давать представления в разных относительных модулированиях. Например, когда врач по неким признакам делает определение болезни, то он должен так же знать, чем это вызвано(прошлыми действиями или бездействиями), как это излечивать (в настоящем соотношении), какие могут быть обратимые или необратимые процессы для булушего. Конечно же, тогла врач это все соотносит из прошлого опыта человеческих познаний, из современных открывшихся знаний, а не из мертвых догм оккультных мистификаций. Притом Заветы бывают внутреннего и внешнего свойства. Внутренний завет, это когда человек осознает, что ему потребно делать или не делать (то есть то, что его портит). Например, человек сознает, что ему полезней вести здоровый образ жизни, но продолжает пьянствовать. Проще, человека портят спиртные напитки, которыми он злоупотребляет, если даже они добротного качества, но человек просто перепивает. Тем самым он нарушает внутренний завет не злоупотреблять. При этом он сам себе или другому может давать так сказать обещание - клятву, мол. больше злоупотреблять не булу или вообще не буду причастным к спиртному, а буду вести добропорядочный образ жизни. Давая себе обещание, человек вступает во внутренний завет, а давая обещание другим лицам, он вступает во внешний завет. Внутренний завет может быть масштабно относительным (государственные законы относительно конкретного человека могут выступать внешним заветом и они могут совпадать или не совпадать с его внутренним заветом). Внешний завет - это завет одного человека с другим человеком, завет между человеком и обществом и в укрупненном масштабе между верховной властью и народом, притом верховная власть прилюдно приносит клятву, а народ голосованием так же приносит клятву придерживаться тех законов, которые предлагает власть. Однако закономерности в одном государстве могут не совпадать с системой других государств, потому уже в соотношении к иным государствам законы некой системы выступать могут как внутренний завет, то есть от количества и масштабности к иным системам государств. Верховная власть может быть как ведомая злом, так и ведомая добром, вот потому народ должен понимать, за что он голосует или с чем собственно он соглашается, а с чем нет, притом с теми лицами, кто претендует на верховное господство. Можно напомнить, когда Моисей ознакомил народ с верховным Заветом, то народ сказал на это «Аминь», что значит будет исполнено! Однако практически эта клятва была предана людьми и они попирали эти договорённости, лицемерно соблюдали оккультные ритуалы, хотя нарушение клятвы не снимается с нарушителей никаким оккультным ритуалом! Порой именно вся верховная власть и попирает законы и справедливость для членов общества, но пытается прикрываться оккультизмом и внушать в массовое сознание, что несправелливость и есть справелливост а справедливость - это утопизм! В этих отношениях порой настолько сложно разобраться обычному человеку и даже умудренному, т. к. происходит путаница такая, что человеку с его классическими правилами и пониманием мира, трудно даже хоть в чем - то разобраться, а оккультному представителям, которые якобы знают писания, вообще и в частности никогда не постичь этих писаний. Хотя именно они пытаются учить людей этим писаниям и как по ним надо жить! Почему? Да хотя бы по банальной причине их идолопоклонства и язычества, в которой они прибывают. Потому-то и говорится, мол, придет к вам человек, не пьет, не ест, ничего непотребного не делающий, они говорят бес в нем. Придет, будет пить, кушать, быть с чемто сопричастным, но это его не портит, они тоже скажут и в нем бес. То есть, у таких нет объективного понимания, что для одних людей нужны экстремальные или ограниченные отношения, проше аскетизм к чему-то конкретному, если они не могут устоять перед тем, что их может испортить. Другие люди могут не соблазняться этим, даже будучи рядом с плохим, эти причастия не портят их, они имеют особый иммунитет, притом некоторым, наоборот, нечто даже во благо.

- Сергей, лично я не встречал ни одного человека, который не нарушал бы внутренние заветы (у всех людей они разные). А как интерпретировать следующее: например, добропорядочный человек решил, что он избавится от всякой формы агрессии, но возникает ситуация, в которой он испытывает гнев, раздражение и недовольство. Пусть даже при этом не будет свидетелей, но всё тайное делается явным, и согрешивший в одном виновен во всем. Получается, что человек потерял свою добропорядочность? А если он через какое-то время совладал со своими эмоциями, то вновь стал добропорядочным?

- Прежде всего надо оценивать, а праведный это гнев или от зависти, порочного характера человека и так далее, а не просто считать, мол, если чувствуешь гнев, то это порочное проявление, а это может быть и истинное проявление на порок. То есть в этом надо четко давать однозначное определение только при объективном или разностороннем рассмотрении темы или предмета. а не подходить как идолопоклонники, с позиций почитания некой крайности. То есть, грех во зло для благого человека вовсе не грех, а истинная реакция на грех, которую могут оценивать грехом, но опять же необъективно манипулируя изречениями из этих же святых писаний. Так же появляется и соблазн оправдывать грехи, прикрывая это праведными якобы проявлениями. Вот потому и возникают очень в этом запутанные взаимоотношения, что простому человеку, и тем более плотскому, не охота даже разбираться, и он предается просто какому-либо культу верования. При таких отношениях человек сразу же утрачивает религиозность, но он думает с точностью наоборот, мол, таким именно образом он приобщается к религиозности.

- Если все же человек сможет разобраться безпристрастно, в каком он все же реально ЗА-ВЕТЕ состоит, по отношению к своей совести, к другому человеку, к коллективу, к системе социального устройства, то как ему изменить заветные отношения?

- Нужен, так сказать, метаморфозный переворот в тех отношениях и рациональном сознании, которые обратят его в добропорядочного представителя, а если он обращается в порочного представителя, то происходят изменения в его рациональном сознании и отношению к бытию, но в обратном зеркальном перевороте. Самое лучшее и верное определение для человека космогонического реализма - это знать многие правила и быть объективным в любых рассмотрениях тем или предметов исследований. Пока ни одно из правил космогонии человечеством не только не принято, но даже не приступали к серьезному исследованию ни одного из правил! Зато слухи возникают от противопоставлений и порой непонимания этих реальностей в бредовые фантазии. Например, если завет есть договор с Богом, следовательно, существует договор с дьяволом, но все это сразу же обретает форму нелепых измышлений. Хотя порочные или грешные люди реально и находятся в договоре с дьяволом, но никакой письменной формой, подписанной кровью или еще некими нелепыми описанными сплетнями, это не предстает, Заветные изменения - это зеркальные перемены в рассудке рационального сознания и бытовых со-

- Получается, вырисовывается картина, где есть разные оборотни (те, кто выдает себя не за тех, кто они есть по своему естеству духовному и буквальному), проклятья, заклятья, договора Божьи и с дьяволом, и все это реальность. Сергей, в природе есть явления, которые можно соотнести с понятием оборотней, приведи этому примеры для наших читателей.

- Формы общего представления в понятии оборотней, простые, это та же смена сезонов с особым переворотом Земли вокруг Солнца, т. е. когла начинается линька и смена покрова, у живых существ, даже у технократического человечества идет смена сезонной формы одежды - вот простое понимание оборотней, через обороты земли и смену внешнего покрова так сказать. Переворот вокруг оси земли тоже приводит к действию ночных существ и к бездействию дневных существ, и наоборот. При количественных оборотах происходят процессы половой зредости, смена клеточного состава, созревание и старение. Более сложные формы соотношений к духовному оборотню в том и состоят, что они аналогичны, но с разными соотношениями. Например, Иисус после его спасения от крестной смерти был переолет в образ садовника, то есть он обратился в садовника а такой неузнаваемый образ как для его почитателей, так и для его врагов стал тайным. (Он открывался им только при закрытых дверях.) Так же поступают и нечестные люди. Бывают скрытые черты в естественном характере добрых и злых людей и других существ, а бывает люди и не скрывают своего порочного естества, как и благого характера. Притом истинно небесные люди могут находиться по социальному положению или профессиональному в самом низменном положении, тогда как порочные могут быть во главе даже государства и мировых держав. Конечно, люди в таких случаях подвержены внушению от вышестоящих по этим признакам, а не по космогоническим правилам, могут считать оккультных служителей за святых отцов, а реального святого осуждать, проклинать, побивать и не слушать его вовсе. Потому-то многие сказки можно относить к космогонии, но это, так сказать просто частные истории. Научная космогония, возможно, только сейчас и формируется впервые в нашем издании. и вряд ли она будет признана классической наукой и даже неким пособием, но лучше принять или дать понимание людьми здравых и простых реальностей, чем вообще ничего не понимать и верить в нелепые оккультные мнимости. Например, что только после биологической смерти опять же через некие оккультные обряды, души, попадают на мнимый суд или в небесное царство, либо становятся небесными представителями истинного Завета. Хотя истинные небесные люди - это люди, обладающие высокой моральной идеологией, справедливы даже независимо от личных привязанностей и нравственны без ханжества. Никакими глупыми обрядами и молитвами грешная душа, тем более, если человек и умер грешным, не отходит в царство небесное! Стать небожителем в истинном смысле - это быть представителем Истинного Завета и иметь особый свет разума. Притом сам бог или, божий человек, не только порой не может обратить падшего в жизнь вечную в Истинности, но может обратиться в падшего, не устояв перед оружием дьявольских сил, а это не оружие в классическом понимании, а это разного рода соблазны, искушения и так далее. При этом душа, отягощенная грехами, не только опускается в моральном образе жизни и утрачивает справедливое рациональное соображение, она может напротив, приобретать высокое положение в обществе, а также завоевывать у многих авторитет. Вот потому - то и возникают сложности в понимании всех этих модельных соотношений с реальностью в классическом понимании о мире.

Что касается проклятий, то если просто опять объяснить, то бывает так, что человек, посмотрев на климатические данные, может обмануться в своих ожиданиях, мол, это надолго и отправиться в дальний поход, но погода может перемениться, и он попадает в ураган. При этом сам порой человек может машинально молвить, мол, вот проклятье-то, а оно так и есть в простом этом соотношении, это ему как бы обещалось, но даже такие обещания обернуться могут не благополучением. Так и между людьми различные отношения могут делать людей проклятыми, так и. напротив, с них сниматься могут проклятья. Что немало-важно, ведь человек может снять самостоятельно проклятье и порвать с порочной зависимостью или уже неким наказанием от самообманов или праведного осуждения, больше не вестись на ложные самовнушения и от внешних источников обещающих внушения, и противостоять оружию дьявола. Бывает так, что целое добропорядочное общество перестраивается в падшее, но господствующий в нем оккультизм и богачи своим дурманом извращют в умы общества. Человек, обратившийся в иного представителя или являющийся отличным от общепринятых норм в мышлении и социальном устройстве, по сути и является уже представителем иного мира, но падшего или вышнего, тут опять нужно все объективно понимать и потом определять.

- Сергей, в прошлых беседах мы уже говорили, что некоторые разрешения или, так скажем, Да в Завете оказываются вовсе не добром, а Злом, тогда как запреты и наказания в терминологии НЕТ могут оказываться Да, то есть Добро, и все четыре завета с классического языка предстают именно как ДА и Нет - ЗАВЕТ. Но оказывается, что они могут быть полноценными моделями зла или добра, а так же двумя смешанными моделями, которые по отношению друг к другу тоже зеркально перевернуты. Так, может, такую специфическую зеркальность сложно понять из-за того. что при этом правила классического языка и представления мира, как и разные оккультные толки, просто необъективны, и потому космогонический объективизм им кажется устранением их правил и навязыванием человечеству иных понятий и правил?

-Любая новая открытая и значимая закономерность о мире или в мире закрывает прежнее представление о другой закономерности или о представлении мира, притом это не значит даже того, что ложные закономерности исчезают или другие, они как бы просто закрываются. Например, человек сосредоточен на сборе ягод и утратил ориентацию в пространстве, когда же он возвращается к пониманию закономерности в ориентации, то он порой не может открыть из разных, лаже вспомогательных, знамений точную в закономерности ориентацию, и тогда он может заблудиться. Это, конечно, простой пример, но порой сложность у многих возникает от их совершенств, тогда им кажется, что они одиноки в порочном мире или среди добропорядочных людей. Еще сложней открыть новые закономерности в мире или в мировоззрениях и этих интерпретациях, потом бы самим в них не заблудиться так, что это будет выглядеть сумасшествием, или не выглядеть, а таковым стать. Конечно же трудно принять космогонические правила, но для правил не только в языках, но и в реальном осмыслении, кажущиеся крайности, - суть одно и то же, тогда как аналогии вовсе ничего общего не имеют между собой!

- Думаем, что пока затронутых и освещенных в нашей беседе тем достаточно в этом номере, и мы еще к ним будем возвращаться к каждой более детально. Все четыре модели Заветных соотношений практически могут не менять никакого классического представления о мире, но при этом создают обычную и в то же время сказочную реальность.

Беседу провели: Сергей ПАШКОВ и Алексей ИЛЬИН